
МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Л.В.Субботин

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

L.V. Subbotin. The Early and Middle Bronze Age of the northwest Pontic region.

The article is devoted to the characterization of main Early and Middle Bronze cultural units of the northwest Pontic region: the Yamnaya (Pit-grave), Catacomb and Mnogovalikovaya cultures. All of them are known in the region only after burial sites. The author gives a detailed classification of various traits of the funeral rite including construction of tumuli and burial structures, disposal of the deceased, arrangement of grave goods, etc. for each of the culture. Additionally, different categories of the grave inventory (pottery as well as flint, stone, bone and metal objects) are characterized. On the basis of the analysis carried out the inference is drawn that cultural groups of the northwest Pontic region are closely related to more extensive cultural entities stretched all over the east European steppe zone. At the same time a special attention is given to specific cultural attributes, which distinguish local communities from those of eastern territories. In terms of the relative chronology all of them represent the latest stages of corresponding cultural unions. According to the absolute chronology the local variant of the Yamnaya (Pit-grave) culture (so-called the Budzhak culture) is dated from the 2d quarter of the III mill. to the XVII century b.c., the Catacomb culture – from the middle of the XVIII to the beginning of the XVI centuries b.c., the Mnogovalikovaya culture – from the XVII to the beginning of the XIV centuries b.c. (uncalibrated).

Предисловие

Древнейшая история Северо-Западного Причерноморья представляет собой удивительное переплетение судеб и культур многочисленных народов. Истории было угодно распорядиться так, что степное раздолье междуречий Южного Буга, Днестра и Дуная стало в древности ареной контактов и взаимодействия народов с разными культурными традициями и неодинаковым уровнем социально-экономического развития: охотников и собирателей лесов и лесостепи с племенами гор и предгорий Балкан, Крыма и Кавказа; древнейших кочевников-скотоводов с оседлыми земледельцами; поздних кочевников с ранними цивилизациями.

Характер контактов между аборигенами, пришельцами, становившимися аборигенами, и их соседями обуславливался многими обстоятельствами, в зависимости от которых они могли быть прямыми, косвенными или опосредованными; мирными или военными; симметричными или асимметричными; регулярными или спорадическими, нередко вообще случайными и кратковременными. Всё это, как и специфические природно-географические условия региона, не могло не наложить определённого отпечатка на жизнь, быт и весь процесс культурно-исторического развития практически всех племён и народов, обитавших здесь в различ-

ные исторические эпохи.

Отмеченное в полной мере отразилось в погребальных обрядах и материальной культуре скотоводческих племён, занимавших степную зону Северо-Западного Причерноморья в эпоху ранней и средней бронзы.

Как известно, изобретение и широкое распространение бронзы — искусственного сплава меди с мышьяком, оловом либо свинцом — привело к повышению эффективности орудий труда и оружия. Это дало существенный импульс дальнейшему развитию хозяйственной, культурной и социальной жизни различных племён, способствовало всестороннему расширению их культурно-экономических связей, всестороннего взаимовлияния, складывавшегося как при мирном (преимущественно) сосуществовании, так и в результате экспансионистских действий.

Вступление древнего населения в эпоху металла на различных территориях не было одновременным. Вытесняя из обихода основные орудия из камня, кремня и кости (но так и не вытеснив их полностью), бронза, появившись с середины IV тыс. до н.э. в Месопотамии и Передней Азии, уверенно распространилась на всё Восточное Средиземноморье, Балканы и Придунавье. Естественно, что географическая близость к древнейшим очагам и районам метал-

лообработки Северо-Западного Причерноморья предопределило вступление обитавших здесь племён в новую историческую эпоху ранее, чем это произошло в иных регионах Европы.

Так, если для Восточной Европы в целом эпоха бронзы датируется в пределах от начала II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э., то для Северо-Западного Причерноморья эти хронологические рамки оказались шире. С учётом общепринятого деления рассматриваемой эпохи на три периода, этот феномен выглядит примерно так: ранний период бронзы — XXV-XVII вв. до н.э., средний — XVII-XIV вв. до н.э., поздний — XIV-IX вв. до н.э. (Гудкова, Охотников 1991: 9).

Во все указанные периоды территория Северо-Западного Причерноморья, особенно распространяясь между Дунаем-Прутом и Днестром Буджакская степь, была заселённой более густо, чем в энеолите. Очевидно, первыми вошли здесь в эпоху бронзы энеолитические в своей основе племена усатовской культуры, оставившие после себя ряд поселений, грунтовые и курганные могильники. Уже на этих памятниках, помимо импортных изделий из меди и мышьяковистой бронзы, встречено немало предметов местной литейной и кузнечной продукции из бронзы: топоры-тесла, ножи-кинжалы, долота, шилья, кольца, иногда из серебра, трубчатые пронизки и т.п. Довольно высокого совершенства достигла одновременно кремнево-каменная индустрия, появились первые для рассматриваемого региона изделия из стекла — бусы. В целом хозяйство усатовского населения было животноводческо-земледельческим с подсобным значением присваивающих промыслов (Петренко 1989: 118). В домашнем стаде резко преобладал мелкий рогатый скот, второе место занимал крупный рогатый скот, третье, едва уступавшее предыдущему, — лошади. Среди выращившихся культурных растений отмечены такие виды пшеницы, как однозернянка, двузернянка и карликовая мягкая, а также просо, голозёрный ячмень, горох и, вероятно овёс. Следует отметить, что специфичность посуды и культовой пластики, свойственная усатовскому населению погребальной обрядности, курганная архитектура в комплексе с упомянутыми бронзовыми изделиями собственно и явились ведущими признаками самостоятельности культурного статуса усатовской группы памятников, считавшейся до недавнего времени южно-периферийным вариантом позднего триполья.

Вслед за усатовским населением в бронзовую эпоху вошли и развивались до начала её среднего периода племена ямной культуры, оставившие в Северо-Западном Причерноморье довольно многочисленные, но лишь погребальные, курганные памятники. Судя по находкам в них, в ямной среде Буджака и на смежных с ним территориях широко использовались металлические украшения в основном тех же типов, что

бытовали и в усатовской культуре. Другие же изделия из бронзы получили отличительное типологическое развитие, связанное с увеличением объёмов бронзолитейного производства и, как следствие, с совершенствованием и расширением их функционального назначения. То же самое произошло и с изделиями из кремня, камня, кости и рога. Находки отпечатков ткани, шнуров, рогожек и циновок (иногда расписных) свидетельствуют о развитии ткачества и плетения; показательно распространение спиралевидных подвесок (из бронзы, серебра, золота), монументальной скульптуры в виде антропоморфных стел; самобытный облик имела преимущественно плоскодонная глиняная посуда, в ряде случаев отмечено и существование деревянной посуды.

Основным же хозяйственным занятием ямных племён было пастушеско-кочевническое скотоводство с составом стада, аналогичным усатовскому. Как и у сравниваемых племен, довольно заметное место в хозяйстве занимала охота. Ряд признаков (отпечатки зерновок пшеницы-однозернянки, мягкой карликовой пшеницы, ячменя и проса) свидетельствует о существовании, хотя и не столь широкомасштабного, но собственного земледелия. В целом, подвижный характер хозяйства предопределил появление и широкое использование у ямных племён древнейшего в Европе колёсного транспорта и освоение верховой езды.

Уже в конце раннего периода эпохи бронзы в ямную среду степной зоны Северо-Западного Причерноморья проникают с северо-востока племена катакомбной культуры. В принципе, хозяйственно-производственная деятельность катакомбного населения была довольно сходной с вышеописанной ямной. Это определяется и ведущей ролью скотоводства с близким по видовому составу домашним стадом, и признаками существования земледелия со сходными сортами возделывавшихся злаков, и наличием одних и тех же производств с одинаковым уровнем технологии. Пожалуй, основными отличительными признаками данной культуры являются: своеобразие керамической посуды; меньшее использование бронзовых изделий при преобладании сверлёных каменных топоров различных конфигураций и, нередко, с довольно художественно оформленной рельефными узорами поверхностью; совершенно отличный от других культур бронзового века погребальный обряд, характеризующийся сооружением сложных могильных конструкций в виде катакомб.

В целом, катакомбная культура доживает в Северо-Западном Причерноморье, параллельно с ямной, до своего финального этапа, восходящего к среднему периоду эпохи бронзы. Однако в основном этот период связывается с появлением здесь и процессом развития культуры многоваликовой керамики (КМК).

Как и в предшествовавших культурах брон-

зового века, хозяйство КМК носило подвижно-скотоводческий характер. На это указывают единичность выявленных поселений, при массовости и разнообразии погребальных памятников, находки в могилах астрагалов и частей скелетов жертвенных домашних животных (преимущественно овцы), а также некоторых костяных изделий, основное количество которых представлено округлыми пряжками. Последние, наряду со специфически оформленной наlepными валиками посудой, являются основополагающими признаками при определении культурной принадлежности памятника к КМК. Сколь-либо убедительных признаков, свидетельствующих бы о существовании у племён КМК собственного земледелия в рассматриваемом регионе не отмечено.

Учитывая, что инвентарь основных (погребальных) памятников довольно малочислен, судить о развитии тех или иных домашних производств у местного населения КМК можно лишь с привлечением материалов, происходя-

щих из ряда довольно богатых кладов этого времени. А все эти комплексные данные указывают на падение роли камне- и кремнеобработывающих производств (хотя, судя по сложным крестовидным булавам, камнерезы КМК обладали не меньшим совершенством в своей работе, чем катакомбные). При одновременном возрастании роли металлургической индустрии появляются такие орудия из бронзы, как массивные виспо-обушные топоры, серпы, клиновидные тесла, а также серебряное оружие в виде крупных кинжалов и наконечников копий.

Настоящая работа посвящается более подробной и всеохватывающей характеристике ведущих культур Северо-Западного Причерноморья ранне- и среднебронзового веков: ямной, катакомбной и многоваликовой. Основу работы составляют материалы соответствующих памятников, археологически исследованных на протяжении всего XX века (по 1999 год включительно) на территории нынешней Одесской области Украины.

Ямная культура. Буджакская группа

Вслед за достигшими в своём развитии рубежа эпохи бронзы общинами усатовской культуры, а в определённой мере и параллельно с поздней стадией их существования, степные просторы Северо-Западного Причерноморья начинают интенсивно осваиваться продвинувшимися сюда с востока племенами ранних скотоводов, широко известных в археологии как «ямные». Первые их погребальные памятники были фактически известны с 80-х годов XIX века, и уже в самом начале XX века В.А. Городцов выделил их из всех «погребений со скорченными и окрашенными костяками» в самостоятельную культуру — ямную (Шапошникова 1985: 336). В основу этого термина лёг первый, бросающийся в глаза признак ранних курганных погребений бронзового века Восточной Европы — простая по форме могильная яма.

К настоящему времени ямная культура является одной из наиболее изученных. Именно с ней связывают значительную часть культурно-хозяйственных изменений, происшедших в Старом Свете на заре бронзового века, поиски прародины индоевропейцев и гибель земледельческих культур Балкано-Подунавья, Украины и Молдовы. Немаловажное значение для решения различных проблем истории ямной культуры имеет изучение её памятников на территории Северо-Западного Причерноморья в целом и особенно на её крайнем юго-западе, являвшемся в конце энеолита — бронзовом веке уникальной зоной, где осуществлялись контакты степных скотоводческих культур и балкано-дунайских, прикарпатских раннеземледельческих культур.

Не останавливаясь на истории изучения вопроса, уже достаточно полно освещённой в ряде

работ (Яровой 1985: 5-27; Дергачёв 1986: 5-12; Алексеева 1992: 5-23), отметим, что действительно пристальное внимание на ямные памятники Северо-Западного Причерноморья было обращено исследователями лишь после опубликования материалов раскопок курганов на юге Одесской области в 1964-1966 гг. (Шаглий, Черняков 1970). Именно эти и последовавшие за ними широкие раскопочные работы на всей территории к северу от Дуная и к востоку от Прута, включая всё Нижнее Поднестровье, дали наиболее массовый археологический материал, показавший специфику ямных памятников региона.

Уже обобщая важнейшие результаты исследований памятников ямной культуры за все предшествовавшие вышеуказанным раскопкам десятилетия, Н.Я.Мерперт справедливо увидел в них сложное и многокомпонентное образование, названное им «ямной культурно-исторической областью» (Мерперт 1986: 7). Внутри этой области, раскинувшейся от Урала до Балкан, Н.Я.Мерперт выделил 9 территориальных вариантов, разделяющихся на хронологические этапы развития культуры. При этом ямные памятники междуречья Южного Буга и Дуная-Прута он отнёс (преимущественно на основе материалов «тираспольских курганов», раскопанных в 1896-1911 гг. И.Я. и Л.П.Стемпковскими) к юго-западному варианту, характеризующемуся «определённой спецификой, как культурного оформления, так и путей исторического развития» (Мерперт 1968:38-39).

Юго-западным вариантом (группой) ямной культуры считает рассматриваемые памятники (уже с учётом вновь открытых) и Е.В. Яровой (Яровой 1985:115; 1991: 74-87). В.А. Дергачёв,

подчёркивая ямную принадлежность этих памятников в целом, видит среди них два хронологически разнящихся варианта: ранний — днепровский и поздний — буджакский (Дергачёв 1986: 74-87). По-иному откликнулись на широко открывшееся своеобразие ямных памятников юго-запада Украины и смежной территории Молдовы Л.С. Клейн, затем И.Т. Черняков и следом за ним И.Л. Алексеева, считающие это своеобразие ничем иным, как проявлением культурной принадлежности. Не вдаваясь в анализ характера подхода к источникам, приведшего исследователей к такому выводу, обратим внимание на то, что, если Л.С.Клейн сделал это в порядке постановки вопроса, предлагая, в случае его неприятия, назвать новую культуру по первому пункту, давшему большую серию типичных для ямных памятников этого региона находок, нерушайской (Клейн 1975:302), то И.Т.Черняков и И.Л.Алексеева говорят уже о существовании особой культуры как об очевидном факте, расходясь фактически лишь в её названии — «буджакская» (Черняков 1979: 9; Чмихов, Черняков 1988: 93-97) или «днестро-дунайская» (Алексеева 1992: 59, 120).

Естественно, любая из отмеченных точек зрения имеет полное право на существование. Однако приходится констатировать, что все они носят довольно нечётко аргументированный характер. Всеобъемлющего же специализированного комплексного изучения и осмысления рассматриваемой группы памятников в широком и четком сопоставлении с синхронными материалами смежных регионов ямной культурно-исторической области, к настоящему времени ещё не сделано. Поэтому окончательное установление твёрдой культурной атрибуции этой группы памятников — дело будущего. Пока же, представляется, что, учитывая единодушно отмечающуюся исследователями несомненность ямного происхождения группы, логичнее не вырывать её из собственно ямной среды. А с учётом очевидного своеобразия этих памятников, эталонно концентрирующихся преимущественно в Буджакской степи, считаем естественным рассматривать их ямными памятниками специфической группы, сохраняя за ней введённый И.Т. Черняковым и уже в определённой мере закрепившийся в специальной литературе термин «буджакская». Утверждать же, как это делает Е.В. Яровой (1985: 114), что такое название якобы жестко ограничивает ареал данных памятников только Буджакской степью, так же нелогично, как если бы считать трипольскую культуру замкнутой окраиной одного села.

Подавляющее большинство рассматриваемых памятников действительно сосредоточено в пределах Буджакской степи (рис.1), однако распространены они значительно шире. На северо-западе их ареал охватывает прилегающие районы Молдовы, заходя на её север, на юге —

восточную часть Румынии и Болгарии, на северо-востоке — причерноморские земли Днестро-Бугского междуречья, к востоку, от которого сформировался и развивался южнобугский локальный вариант ямной культурно-исторической области (Шапошникова и др. 1986).

В анализируемый круг памятников входит 351 курган и 1311 курганных погребений, которые выявлены и исследованы к 2000 году у 103 пунктов Одесской области, с привлечением по мере необходимости данных об аналогичных памятниках на смежных территориях.

Ямные курганы (часто использовавшиеся впоследствии более поздними племенами) возводились преимущественно на вершинах плато, удалённых от речных долин на 1-5 км. Реже они располагались на более значительном удалении от верхнего края надпойменной террасы, а в единичных случаях — в самих речных долинах или на их водоразделах (Суворово, Татарбунары). Одиночными насыпи оставались очень редко. Как правило, курганы располагались относительно компактными группами либо идущими параллельно долинам рек и крупных балок цепочками, иногда с ответвлениями на самой вершине плато. Число курганов в таких могильниках варьирует от 2-3 до 20, а в некоторых случаях и до нескольких десятков (Белолесье). При этом расстояние между ближайшими памятниками совершенно различно: от 10 до 500 м и более, когда значительное удаление курганов друг от друга даже затрудняет определение того, составляют ли они единый могильник, обособленные группы или являются самостоятельными памятниками. Различна и высота курганов. Наименьшие из них, группировавшиеся, как правило, вокруг больших, к настоящему времени совершенно распаханы. Они едва возвышаются над окружающей поверхностью либо совсем не выражены в рельефе, а выделяются на тёмном фоне поля лишь округлыми пятнами более светлого грунта. Наибольшая высота курганов 5-6 м, и даже 7-8 м. Преимущественное же возвышение насыпей находится в пределах от 1 до 3 м.

Судя по данным раскопок, помимо собственно ямных курганов, составляющих свыше 80% рассматриваемых памятников, ямные племена интенсивно использовали под захоронения любые более ранние насыпи, созданные как предшествовавшими им здесь племенами степного энеолита, так и населением усатовской культуры. Такие, обычно небольшие, более древние насыпи, как и изначально небольшие собственно ямные курганы, после устройства в них впускных ямных погребений, как правило, значительно увеличивались за счёт специальных, часто неоднократных (до шести) досыпок. Они делались непосредственно над впускными отдельными погребениями, поверх части предшествовавшей насыпи сбоку либо (чаще) покрывали эту насыпь полностью, всесторонне (рис.2, 1).

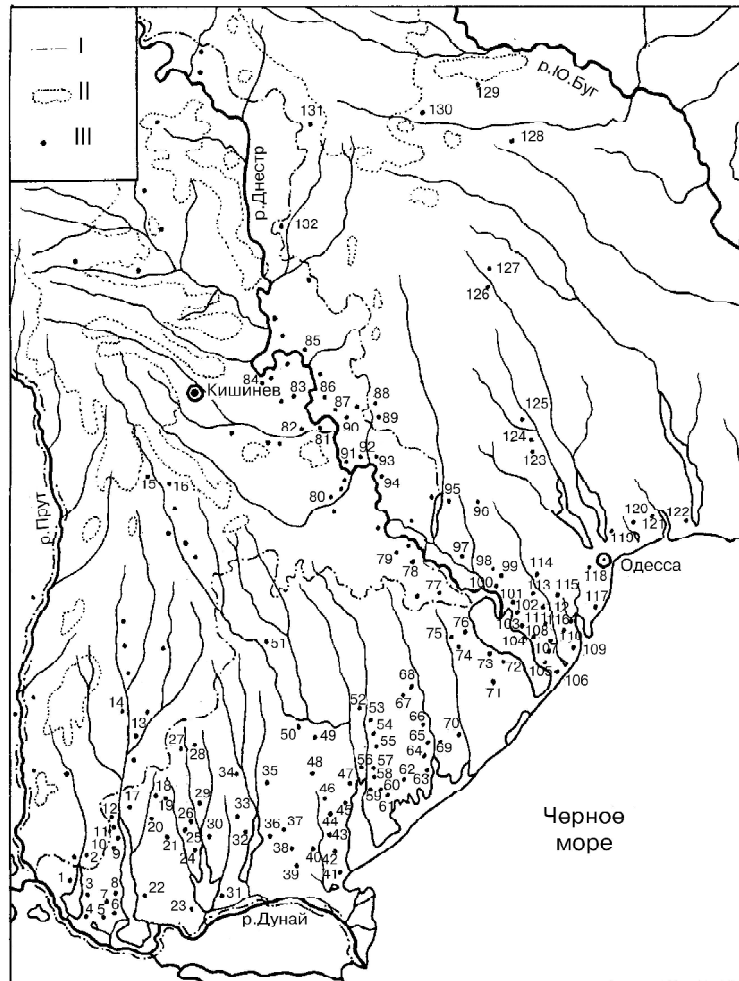
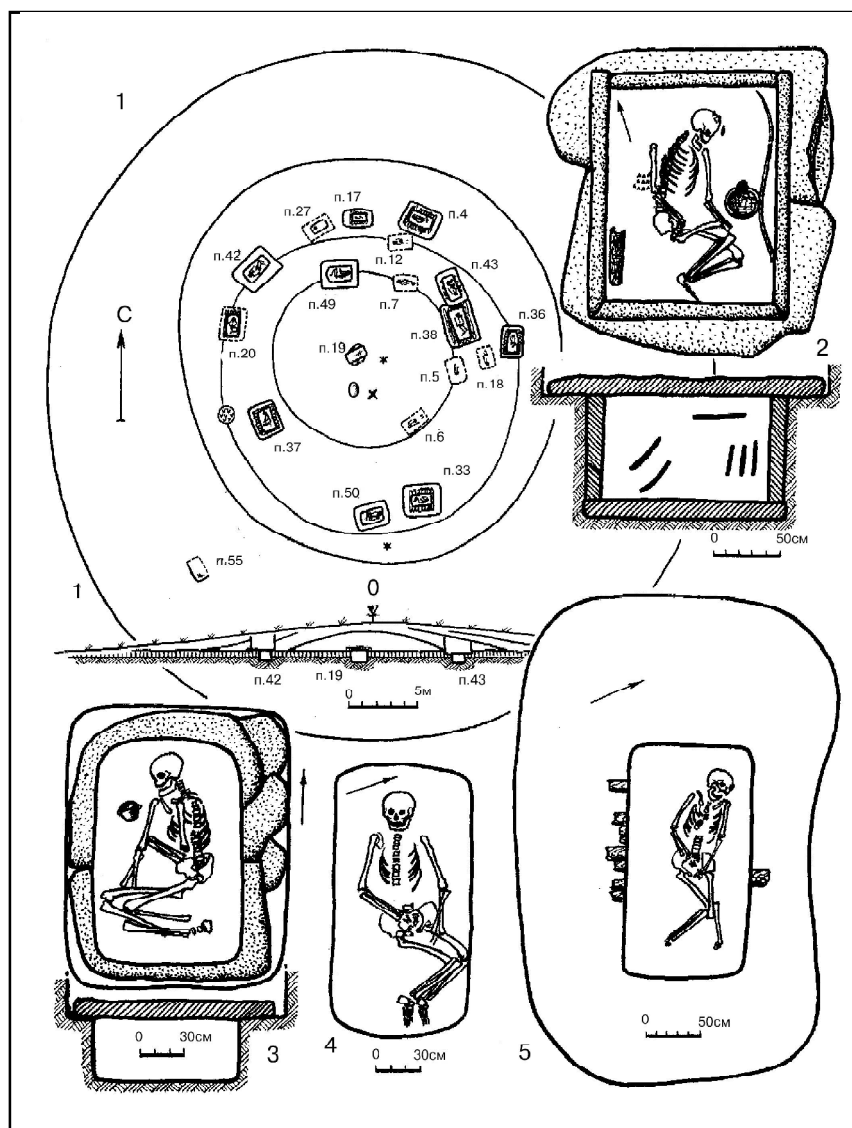

Рис. 1. Карта памятников ямной культуры (I — государственные границы, II — леса, III — ямные курганные памятники):

- 1 — Фрикацей, 2 — Етулия, 3 — Нагорное, 4 — Орловка, 5 — Градешка I, 6 — Новосельское, 7 — Плавни, 8 — Чауш, 9 — Владычень, 10 — Мрснота могила, 11 — Курчи I, 12 — Курчи, 13 — Тараклия, 14 — Балабаны, 15 — Гура-Галбенэ, 16 — Валя Пержей, 17 — Болград, 18 — Кубей (Червоноармейское), 19 — Калчева, 20 — Жовтневое, 21 — Каланчак, 22 — Озёрное, 23 — Богатое, 24 — Утконосовка, 25 — Каменка, 26 — Новокаменка, 27 — Огородное-80 (III), 28 — Огородное, 29 — Бановка, 30 — Суворово, 31 — Кислица, 32 — Приозёрное, 33 — Дзинилор, 34 — Островное, 35 — Холмское, 36 — Червоный Яр, 37 — Помазаны, 38 — Шевченко (Килийский р-н), 39 — Парпаты, 40 — Мирное (Килийский р-н), 41 — Приморское, 42 — Десантное, 43 — Нерушай, 44 — Струмок, 45 — Глубокое, 46 — Баштановка, 47 — Борисовка, 48 — Виноградовка, 49 — Павловка, 50 — Арциз, 51 — Березино, 52 — Сарата, 53 — Заря, 54 — Михайловка, 55 — Белолесье, 56 — Татарбунары, 57 — Заречное, 58 — Новоселица, 59 — Траповка, 60 — Вишнёвое, 61 — Рыбальское, 62 — Кочковатое, 63 — Жёлтый Яр, 64 — Лиман, 65 — Дивизия, 66 — Сергеевка, 67 — Хаджидер III, 68 — Хаджидер I, 69 — Дивизия II, 70 — Алкапия (Широкое), 71 — Турлаки, 72 — Молога, 73 — Садовое, 74 — Карналиевка, 75 — Крестовая могила (Подгорное), 76 — Семёновка, 77 — Тудорово, 78 — Оланешты, 79 — Пуркары, 80 — Урсоая, 81 — Гура-Быкулуй, 82 — Рошканы, 83 — Слея, 84 — Балабанешты, 85 — Красное, 86 — Буторы, 87 — Красногорка, 88 — Плоское, 89 — Сербка, 90 — Бычок, 91 — Парканы, 92 — Терновка, 93 — Тирасполь, 94 — Сукляя, 95 — Зальце (Лиманское, Разделянский р-н), 96 — Щербанка, 97 — Ясски, 98 — Петровское, 99 — Березань, 100 — Беляевка, 101 — Маяки, 102 — Надлиманское, 103 — Ефимовка, 104 — Овидиополь, 105 — Роксоланы, 106 — Каролино-Бугаз, 107 — Дальник II, 108 — Дальник, 109 — Санжейка, 110 — Великодалинское, 111 — Доброалександровка, 112 — Новоградовка, 113 — Петродолинское, 114 — Мирное (Беляевский р-н), 115 — Новая Долина, 116 — Александровка, 117 — Черноморка, 118 — Слободка-Романовка, 119 — Шевченко (Одесса), 120 — Свердлово, 121 — Старые Беляры, 122 — Кошары, 123 — Бараново, 124 — Катаржино (Червонознаменка), 125 — Великозименово, 126 — Марьяновка, 127 — Григорьевка, 128 — Агеевка, 129 — Неделково, 130 — Гольма (Перелеты), 131 — Тимково, 132 — Ново-Красное.

ПРИМЕЧАНИЕ: В этой и следующих картах среди памятников Молдовы пронумерованы только упоминающиеся в тексте.

Рис. 2. Ямная культура, буджакская группа. Пример расположения погребений в кургане (1), варианты погребальных сооружений и позиций скелетов (2-5): 1 — Вишнёвое, курган 17; 2 — Алкалия, 33/1; 3 — Маяки-83, 3/1; 4 — Маяки-83, 5/1; 5 — Траповка, 4/8.

Общие досыпки иногда делались (1-2 раза) уже вскоре после создания первичной ямной насыпи. При этом, очевидно, преследовалась цель придания кургану большего величия и одновременной подготовки его под будущее более просторное кладбище. Но в большинстве случаев такие досыпки (обычно одиночные) производились гораздо позже — после впускания в курган одного либо нескольких очередных ямных погребений. В стратиграфических разрезах курганов все досыпки обычно выделяются как цветом, так и структурой грунта. Мощность их варьирует от 5-10 см до 3-4 м.

Сохранившиеся под позднейшими досыпками в первоначальном виде начальные насыпи или первичные их досыпки ямного времени имели преимущественно округло-выпуклые, иногда несколько вытянутые, овальные, либо иные плавно-фигурные в основании формы. Ряд таких курганов возводился в виде усеченного конуса (Семёновка, к.8; Маяки-82, к.1). Особыми

и довольно редкими элементами архитектуры некоторых первичных либо досыпанных курганов являются окружающие их у основания ровики (Вишнёвое, к.18; Жёлтый Яр, к.3 Холмское, к.2), кромлехи (Болград, к.3), или их сочетания (Богатое, к.5).

Как показали раскопки, общая высота не зависит от числа впускных погребений. Так, например, в кургане 1 у с. Суворово, высотой около 6 м, существовало всего одно, основное, захоронение, а в кургане 14 у с. Нагорное, высотой всего 1 м, выявлено 14 ямных погребений. Вместе с тем, чем больше впускалось погребений в курганы, тем большими становились размеры их оснований. Согласно прослеженным показателям, курганы с 1-4 погребениями имели диаметр 15-40 м, с 5-10 погребениями — 30-70 м, а при более чем 10 погребениях диаметр достигал 70-100 м.

По особенностям получения грунта, шедшего на сооружение кургана или его досыпок, выделяется три строительных приёма: 1 — выка-

пывание чернозёма, а затем и материкового грунта под ним с заранее определённого кольцевого участка, которым ограничивался будущий памятник, в результате чего вокруг него образовывался ров; 2 — выборка верхнего слоя земли в 20-50 м от будущей насыпи, после которой на этом отдалении оставалась широкая впадина; 3 — применение одного из предыдущих приёмов с использованием привозной земли (например, болотный ил, покрывавший досыпки кургана 1, раскопанного у с. Маяки в 1982 г., был добыт в 5 км от него). В структуру курганов включались, естественно, все их погребальные сооружения, выкиды из них, жертвоприношение животных и иные следы погребальных церемоний — остатки костров и поминальных тризн в виде скоплений обломков керамики и костей животных.

Все основные ямные погребения, то есть погребения, над которыми сооружалась первичная (либо вообще единственная) ямная курганная насыпь, располагались в самом центре подкурганной площадки либо с небольшим отступлением от него. Их ямы выкапывались с уровня древней поверхности, обязательно с углублением в материковый грунт. При использовании ямным населением под кладбище более древних курганов, их первоначальные, определяющие, погребения и определяющие для последующих насыпей-досыпок, устраивались в материке у самого края склона насыпи (например, Орловка-81, 1/3, 9), либо впускались по центру с вершины насыпи или её досыпки также с соблюдением обычной достижения верхнего слоя материка. Во втором, преобладающем, варианте отмечены неоднократные случаи перерезания ямными могилами основных погребений предшественников. А освоению кургана усатовской культуры в обоих вариантах обычно предшествовало целенаправленное разрушение основного погребения, т.е. «очищение» насыпи от возможно чужого, инокультурного влияния.

Как основным, так и определяющим ямным погребениям Буджака, характерна ориентировка могил длинной осью по линии запад-восток (преобладающая), юго-запад — северо-восток, либо реже, север — юг. Погребальные камеры всех последующих впускных захоронений преимущественно обустраивались по традиции, как и первые, лишь по достижению материка. Расположение их в кургане и ориентировки совершенно разнообразны. В зависимости от общего количества погребений различается 6 основных типов их планировки.

1. При двух погребениях наблюдаются два варианта: А — оба расположены в центре, иногда перерезая друг друга; Б — основное или определяющее находится в центре, другое — в 4-5 м от него в любом из секторов кургана с ориентировкой как у центрального погребения, при обязательном направлении длинных осей могил по касательной относительно круга насыпи.

2. При трёх погребениях два располагаются по принципу первого типа, а третье — в двух вариантах: А — почти по одной линии с другими; Б — размещаясь как бы на конце треугольника, образованного им и двумя другими погребениями. В обоих вариантах длинные оси могут быть параллельными либо находиться под углом к другим.

3. При четырёх погребениях сохраняются принципы первых двух типов планировки и добавляется расположение 4-го погребения. Оно может образовывать с одним или с двумя другими погребениями дугу или полукруг в одном из секторов кургана либо находиться от них на значительном удалении (5-6 м) в другом секторе, как бы намечая создание предполагаемого нового полукруга (круга) погребений в кургане.

4. При пяти погребениях действуют принципы предыдущих планировок со сложением следующих вариантов: А — четыре погребения располагаются вокруг центрального равномерно; Б — три погребения по отношению к центральному составляют полукруг, а пятое вынесено в возможный второй круг.

5. При 6-10 погребениях также обычны все элементы предшествующих типов, но в расположении погребений чётко обозначаются круги, образованные могилами, находящимися в разных секторах кургана примерно на одинаковом расстоянии от центра. Наблюдаются следующие наиболее встречаемые варианты: А — погребения расположены почти в ряд, одно из них проходит через центр более древнего кургана, а погребение, определяющее первичную ямную досыпку, находится у края насыпи; Б — погребения расположены в виде дуги, направленной от центрального ямного погребения к окружающей насыпи кургана; В — погребения группируются по несколько в разные круги, их могилы направлены по касательной к воображаемому кругу относительно центра кургана.

6. В курганах, содержащих более 10 погребений, сохраняются элементы планировок всех предыдущих типов, но чёткость кругов, образующих погребениями, возрастает, число таких концентрических кругов достигает 3-5. Отмечаются ямные захоронения и в центре насыпи, которые, судя по стратиграфии, занимали более позднее положение, чем последние погребения внешнего круга. При большом количестве погребений (например, 18 в кургане 17 у с. Вишневое, 21 — в кургане 9 у с. Нерушай) в самих кругах отмечено группирование, сближение нескольких погребений — по 2-4 в одном круге (рис.2,1). Погребальные ямы в таких случаях отстоят друг от друга всего на 2-3 м, а иногда располагаются и совсем рядом. В кургане 10 у с. Нерушай две ямы (погребения 15 и 16) имели, например, общее перекрытие тростниковым настилом (Шмаглий, Черняков 1970: 37), а в кургане 19 у с. Новоселица погребение 11 даже нарушило край расположенного рядом погребения.

ния 16 (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: 74, рис. 24).

Естественно, узкая планиграфия создавалась преимущественно не в единовременных насыпях. И впускание многих погребений, их группирование по отдельным дугам и кругам происходило после различных досыпок и сооружения дополнительных насыпей. Вместе с тем, показательно, что, несмотря на очевидную одновременность погребений, оказавшихся в одной насыпи, почти не встречается случаев перерезания одной могилы другой. Такая довольно точная планировка расположения погребальных ям в насыпи была возможна только благодаря наличию в ней определённых опознавательных, памятных знаков. Они могли быть в виде надмогильных холмиков, как это прослежено в разрезе кургана у с. Огородное (Субботин и др. 1984: 111), в виде вертикально устанавливавшихся каменных плит, как в кургане у с. Орловка, либо каких-то не сохранившихся деревянных вех (Субботин 1980: 61). Такие вехи при досыпках кургана, вероятно, каждый раз приподнимали выше (возможно, обновлённые), поэтому место нахождения впускных могил было постоянно фиксированным. На длительную сохранность предполагаемых внешних признаков указывает почти полное отсутствие случаев нарушения ямных погребений даже при впускании в те же курганы погребений катакомбной культуры. Вместе с тем, именно наличие внешних опознавательных знаков и давало возможность древним грабителям довольно точно проникать в могилы (даже не нарушая их краёв) — что не однократно отмечалось при раскопках.

Характер устройства могил основных и впускаемых ямных погребений отличается весьма незначительно. В целом, обрядовые черты их сооружения, как и положение погребённых, одинаково и поэтому могут рассматриваться параллельно. В обеих группах погребений могилы создавались в виде простых ям, являвшихся, собственно, погребальными камерами, либо в виде ям с уступами, где верхняя часть была входной, а нижняя погребальной.

Уступчатые ямы возникли для удобства совершения впускных захоронений, погребальные камеры которых стремились устраивать в твёрдом грунте: сначала через всю насыпь до плотного верхнего слоя погребённого чернозёма или, чаще, до материка прокапывалась довольно просторная верхняя часть ямы, а уже со дна её выкапывалась меньшая — собственно погребальная часть ямы. Благодаря такому принципу сооружения могил у верхних краёв погребальной камеры и образовались уступы, а просторные габариты верхней части ямы предохраняли вместе с уступами нижнюю камеру от преждевременного осыпания в неё грунта сверху.

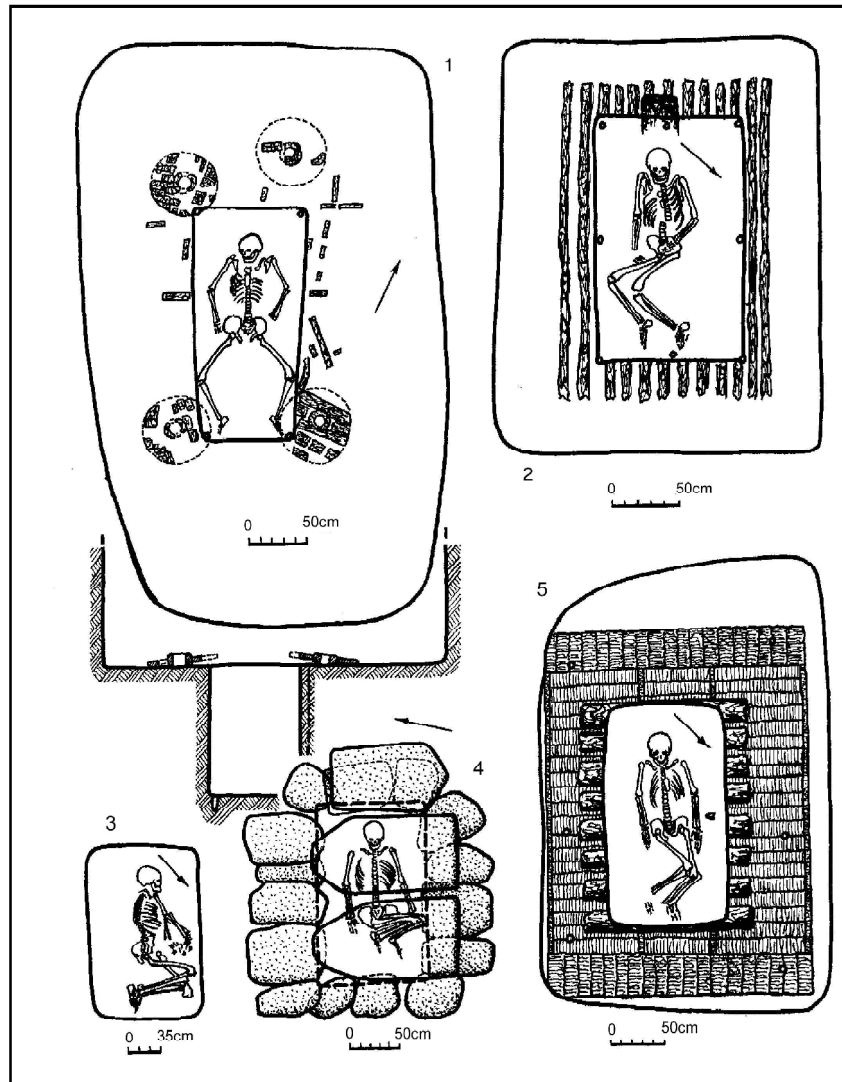
В группе основных погребений все могилы выкапывались с уровня древней дневной поверхности. Именно поэтому ведущими среди

них были простые формы ям, уступчатые же — редки, они характерны для некоторых основных погребений в основном позднего времени, когда такое оформление могил осуществлялось скорее не из-за практической необходимости, а как дань уже устоявшейся ямной обрядовой традиции в целом (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: 106). В группе впускных погребений отмечается обратный процесс: от почти исключительно уступчатых ям, бытовавших на протяжении всего периода существования ямной культуры в Буджаке и его округе, до простых ям, дно которых часто и не доходило до подкурганной площадки — на самом позднем её этапе.

Простые ямы и погребальные камеры уступчатых могил делались в основном прямоугольными либо подпрямоугольными, причём, чаще с большей или меньшей округлённостью углов (рис. 2, 3-5; 3, 2-5). Реже они имели в плане форму овала или трапеции (рис. 3, 1). Длина ям достигает 1,8-2,4 м, ширина 1-1,4 м, чаще эти параметры соотносятся как 2:1 или 1,5:1; встречаются ямы и подквадратных соотношений. Глубина ям, в среднем, около 1 метра, в отдельных случаях она достигает 1,4-1,7 м, но при любых контурных размерах глубина превышает ширину либо равна ей. Исключения составляют лишь некоторые погребения взрослых индивидов, глубина ям которых бывает значительно меньшей, чем ширина (рис. 2, 3).

Стенки ям, как правило, отвесные, но изредка встречаются и наклонные в одну сторону (Дивизия II, 5/7; Жёлтый Яр 5/15) или в разные стороны, создающие расширение (Кочковатое, 28/7, 12; Траповка, 10/10,13) или сужение ям (Хаджидер I, Костюкова могила, п.18; Орловка-81, 1/9) на 0,1-0,3 м. Чаще расширение ям к дну происходило из-за наклона лишь одной какой-либо стенки (Траповка, 6/18, Жёлтый Яр, 11/2; Каменка 3/6). На стенках впускных камер нередко фиксируются следы от копательных орудий в виде вертикальных желобчатых борозд шириной 1,5-3 см, длиной 15-25 см. Учитывая довольно строгую параллельность и чёткую ритмичность чередования таких борозд и примерную одинаковость их размеров в каждой конкретной яме, можно допустить, что данное явление — не случайные следы орудий, которыми копалась яма, как традиционно считают многие исследователи, а преднамеренный, специальный обрядовый ритуал оформления могилы определённой группы погребённых (Субботин и др. 1998: 114). Подтверждением сказанному служит и тот факт, что в ряде случаев такие испещрённые бороздами стенки без какого-либо заглаживания обмазывались меловым раствором (Алкалия, 33/4,7). Кстати, побелка стен мелом или обмазка их раствором жидкой глины белого или жёлтого цветов, явление среди ямных погребений вообще довольно распространённое (Григорьевка, п.9; Глубокое, 1/7; 2/8,10; Алкалия, 33/4,5,7,10 и др.). В некоторых погребениях

Рис. 3. Ямная культура, буджакская группа. Типы погребальных сооружений и варианты позиций скелетов: 1 — Новоселица, 19/21; 2 — Огородное III, j; 3 — Семёновка, 14/2; 5 — Семёновка, 14/12.

стенки ям обложены камышовыми матами, которые укреплялись вбитыми у стенок в дно кольями-жердями, что отмечено, например, в могилах у с. Нерушай (9/31,32).

Жерди, очевидно, использовались и как опорные столбики для поддержания какого-то временного навеса над погребальным ложем до похорон или над самим погребённым на время определённого похоронного ритуала. От таких кольев-жердей ко времени раскопок сохраняются в дне могилы по углам и под стенками вертикальные либо чуть наклонные цилиндрические ямки диаметром до 6 см и глубиной до 10 см (рис. 3, 1,2). Число ямок различное: 4, 6, 8, 10, 12. Учитывая, что никаких остатков дерева в ямках обычно не прослеживается, можно утверждать, что оставившие эти ямки жерди-колья перед стационарным перекрытием могилы или перед её засыпкой без перекрытия из ямы вытягивались.

Для небольшой серии погребальных камер впускных захоронений отмечено оформление дна в виде искусственного возвышения-ложа,

которое создавалось посредством выкапывания вдоль стенок подпрямоугольных канавок шириной до 0,15 м и глубиной до 0,1 м (Семёновка 1/6; Траповка 4/13; Урсоая 1/1). Почти в 80% всех могил на дне прослежены остатки подстилок: коричневый тлен или, реже, древесная труха от покрытия дна корой или тонкими досками; белесый тлен — от подстилки от камыша, тростника или стеблей травы. Иногда толщина такого тлена довольно значительна. Например, в погребении 2/16 у с. Холмское тлен от тростниковой подстилки, уложенной в 8-10 слоёв, имел толщину в 5-7 см (Черняков и др. 1986: 74). Встречаются случаи чередования разноструктурных подстилок, а также сочетание их с пылкой мелом. Последним либо покрывали дно перед укладкой подстилки, либо делали посыпку поверх неё. В немногих основных погребениях и ещё реже во впускных мелах посыпка применялась вообще вместо какой-либо подстилки. Уникальными являются два случая выявления на дне ям расписных циновок и коврика (Курчи, 20/16; Маяки-82, 1/16).

Судя по раскопочным данным, около половины простых ям и погребальных камер с уступом после похорон ничем не перекрывались, а просто засыпались землёй, навсегда консервируя этим наиболее реальные, изначальные положения погребённых. Благодаря этому в ряде случаев сохранилась, например, первоначальная позиция их ног: поджатость строго коленями вверх (Семёновка, 8/8), подобная поджатость, но с небольшим наклоном вбок (Траповка, 6/18), поджатость с изначальным разведением коленей в стороны (Новоселица, 19/21). Иногда поверх засыпки таких ям устраивалась имитация перекрытия: укладывались одиночные камни, плахи, жерди, прутья или какие-либо деревянные конструкции, их детали. Например, каркас в форме лодки и каменные плиты поверх него (Семёновка, 8/8), или детали разобранных телег (Курчи, 20/16; Новосельское, 19/16). Почти половина же ям тем или иным материалом перекрывалась довольно герметично, превращая их в замкнутые камеры, заполнявшиеся сверху лишь по мере разрушения перекрытий.

Для перекрытий применялись каменные плиты, деревянные брусья, плахи, доски, горбыли, жерди, ветви и даже прутья, а также тростниковые и камышовые циновки, маты. Само перекрытие делалось преимущественно поперёк ямы (рис. 2.3,5; 3.4,5), реже — вдоль неё (рис. 3,2), а иногда — наискосок (Траповка, 10/10) или даже крестообразно (Орловка-891.1/3). В уступчатых ямах перекрытия устраивались с опор на примыкавшие к верхним краям камеры уступы. Циновки, покрывавшие яму без дополнительных строительных материалов, очевидно, прижимались на уступах насыпной землёй, но иногда и прибивались к площадкам уступов колышками (рис. 3,5). В других случаях циновки и маты либо прижимались деревом или камнями, либо настилались поверх. При применении для перекрытий дерева и камня, последний, естественно, укладывался сверху. Щели между крупными камнями в ряде случаев закладывались мелкими. Нередко в качестве заклада использовались и антропоморфные стелы — в погребении 14/2 у с. Семёновка их было даже три (рис. 3,4). В перекрытие ям помещали иногда и детали разнообразных повозок (Курчи, 20/16; Яски, 1/18; Новосельское, 19/16; и др.). При этом их колёса обычно укладывались по углам уступа (рис. 3,1). Такие колёса встречаются в могилах числом 2,3 или, чаще 4 (Гудкова, Черняков 1981: 40; Иванова, Цимиданов 1993: 28), причём нередко и без каких-либо иных остатков повозки (Богатое, 1/6; Балабаны, 13/13; Холмское, 1/7). Известны случаи помещения колёс по углам самой погребальной камеры, например, в Етулии (Серова 1981: 66-68).

Среди особо обустроенных погребальных камер выделяется небольшая группа оформленных в виде каменных ящиков (например,

Кубей, 21/14; Беляевка, 1/9; Свердлово, 1/4). Такие ящики обычно складывались из 4-х вертикально вкопанных вдоль стенок ямы плит, тщательно подогнанных между собой, и плитчатого перекрытия их (рис. 2/2). Известны случаи росписи стен таких ящиков внутри красной или малиновой краской (Великозименово, 1/1; Старые Беляры 1/14; Алкалея 33/3; Катаржино 1/1), что более типично для подобной погребений, относимых к кеми-обинской культуре (Петренко, Тощев 1990: 71-76; Петренко 1991: 83-85; Иванова, Ветчинникова 1992: 9). Добавим, что для перекрытия погребения 1/1 у с. Великодолинское использовались плиты от ранее разобранного ящика, также характерного своей орнаментацией (углублёнными крестами) для памятников типа Кеми-Обы (Субботин и др. 1976: 188-189). Судя по сопровождавшему инвентарю все эти мегалитические гробницы, отражают одну из разновидностей местного ямного погребального обряда позднейшего этапа (Субботин 1995: 193-196).

Говоря о ямах с уступами, отметим, что верхние их части были в плане, как и простые ямы, овальными, прямоугольными, трапециевидными или четырёхугольными, геометрически неправильных очертаний. Однако формы верхних и нижних частей ям были идентичны не всегда; у четырёхугольных в плане верхних частей ям отмечается преобладание более значительной округлённости углов. Ориентировка же их почти всегда та же, что и у погребальных камер; диаметральной противоположность — редкое исключение (Плавни, 1/6; Траповка, 1/8). Известен и уникальный случай диагонального взаиморасположения: Белолесье, 7/4 (Субботин и др. 1998: 95, рис. 35,1).

Размеры верхних частей уступчатых ям обычно довольно внушительны: длина 2,6-4 м и более (до 6 м), ширина — 1,8-2,5 м (иногда даже до 3,6 м). В основных уступчатых могилах глубина верхнего яруса небольшая, достигающая лишь в отдельных случаях 1 м; во впускных она зависит от высоты насыпи, с которой выкапывалась яма и уровня расположения уступа. Стенки обычно отвесные, но встречается и зауженность ям кверху на 0,15-0,65 м (Вишнево, 17/49, 50; Огородное-80, 6,16; Белолесье, 3/23; Курчи, 20/1 и др.), возможно, это результат деформации, связанной с постепенным сжатием входных камер самой курганной насыпью. Площадки уступов, как правило, горизонтальные, но встречаются и выполненные под наклоном к устью погребальной камеры (Кочковатое, 28/7; Кубей, 22/14; Хаджидер III, 13/7; Хаджидер I, Костюкова могила, п.18).

Помимо традиционных ям с одним четырёхсторонним уступом, известны впускные ямы и с двумя четырёхсторонними уступами, т.е. трехкамерные или трехъярусные (Григорьевка, 1/9; Семёновка, 2/3; 9/5; Белолесье, 3-24; Новосельское, 19/7). Довольно редко, но встречаются ямы

и с двухсторонним уступом (с заплечиками) вдоль длинных стен (Вишнёвое, 52/3). Верхние ярусы уступчатых ям при похоронах обычно засыпались, однако среди трехъярусных зафиксированы случаи перекрытия средней камеры на уровне выделяющего её уступа деревом (Субботин 1982: 105).

Подавляющее большинство захоронений в ямных могилах одиночные, индивидуальные. Вместе с тем, немало встречается и групповых. В основных погребениях такие захоронения только парные, во впускных встречаются как парные, так и с тремя (Богатое, 2/11; Утканосовка, 1/3; Дзинилор, 1/17; Парাপоры, 2/5; Оланешты, 1/27; Красное, 9/20), четырьмя (Турлаки, 2/6; Семёновка, 2/3; Гура-Быкулуй, 3/3; Урсоая, 3/1) и даже с пятью погребёнными (Озерное, 1/5). Во всех случаях погребённые были разновозрастными, однако, парные представлялись чаще всего костяками взрослого и ребёнка. Ориентировки и позиции погребённых при групповых захоронениях разнообразны: то одинаковы, то совершенно различны.

В целом, по наиболее распространённым позициям, среди погребённых выделяется 5 основных групп.

1. Скорченные на спине, с ногами поджатыми коленями вверх, которые встречаются чаще всего упавшими одна на другую. Руки у погребённых в этой позиции укладывались вытянутыми вдоль тела, иногда с незначительным сгибом в локтях (рис. 3,5), или сгибались в локтях и ложились кистями на таз (рис. 2,5).

2. Скорченные на спине, с поджатыми и разведёнными в стороны ногами, распадавшимися впоследствии ромбом. Руки обычно вытянутые вдоль тела или незначительно согнуты в локтях и разведены в стороны (рис. 3,1). При этой позиции известны случаи, когда одна рука была вытянута под углом в сторону (туда же обычно повернута и голова), а другая — согнута в локте и положена на таз (Кубей, 21/16), и когда одна рука находится в отведённом положении, а другая согнута кистью к плечу (Нерушай, 16/7). Заметим, что обычно погребения этой группы рассматриваются исследователями в качестве варианта отмеченной нами 1-й группы.

3. Скорченные на спине с ногами упавшими впоследствии влево или вправо, куда они и были несколько наклонены изначально. У погребённых этой группы одна рука вытянута вдоль тела, другая — согнута в локте и положена на таз (рис. 2,4). Именно такое положение рук являлось определяющим для направления падения ног: в противоположную сторону от руки, положенной кистью на таз.

4. Скорченные на спине с небольшим поворотом тела вправо или влево, куда были заранее наклонены или сразу уложены ноги. В том же направлении вытягивалась соответствующая ему рука и сгибалась другая (рис. 3,4). Нередко и положение вытянутой руки (при сгибе другой)

параллельно телу (рис. 3,2).

5. Скорченные на правом или левом боку. Как правило, одна рука, соответствующая повороту, ровно или с небольшим сгибом в локте вытянута в сторону скорченности, другая — согнута и положена кистью на вытянутую руку или таз (рис. 2,3). Нередко обе руки вытянуто или с изгибом направлены в сторону поворота (рис. 2,2; 3,3), иногда — поднесены кистями к лицу.

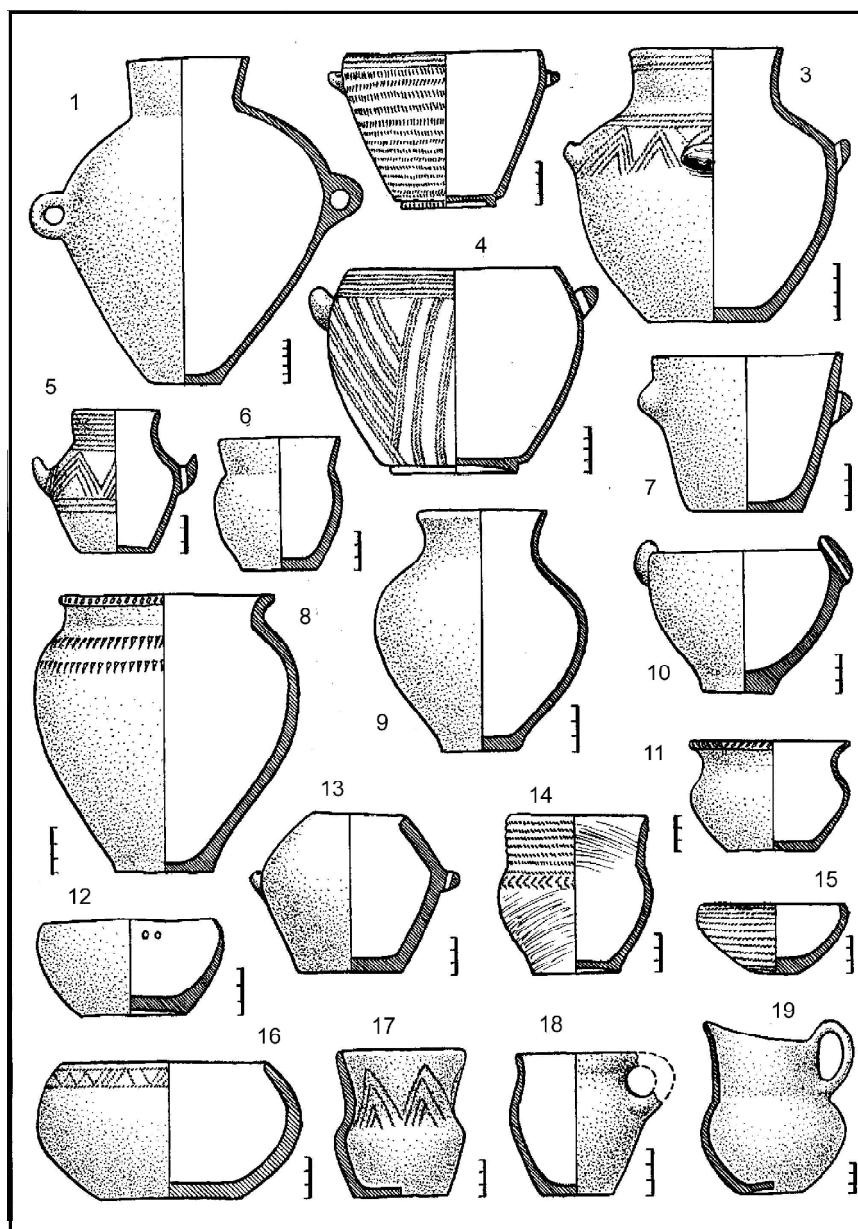
Отметим, что для трёх последних позиций левое и правое положение в процентном отношении принципиально не разнятся. Помимо погребений с основными позициями, имели место и захоронения с вытянутыми на спине погребёнными (Траповка, 4/10; Лиман, 8/5; Новоградовка, 3/7), в сидячем положении и с трупосожжением (Субботин 1980: 56-59), нередки случаи перезахоронений расчленённых скелетов. Часть могильных ям являлась кенотафами. При труположениях погребённые, как правило, укладывались в могилы по направлению её длинной оси, однако, известны единичные случаи и поперечного их расположения (Новоградовка, 1/10; Сергеевка, 11/7) (Дзиговский, Суботин 1997: 184, рис. 6,2).

Среди ориентировок основных погребённых явно преобладающей была западная. Примерно вдвое меньше число погребённых ориентировано на восток, случаи захоронений с ориентировкой в южном и северном направлении незначительны. Ориентировки впускных погребённых в силу их кругового характера расположения в кургане, разнообразнее, но и среди них определяющими были западные.

Почти в 70% основных погребений и в 75% впускных (чаще 1-й и 2-й группы) отмечено наличие охры — в основном красного цвета, реже — бордового, малинового и фиолетового. Охрой покрывалось тело умершего, интенсивней голова, а во многих случаях только голова и нижние части рук и ног. В погребении 16 кургана 20 группы Курчи зафиксирован один из элементов посмертной маски: череп был покрыт охрой тёмно-красного цвета, такой же охрой были заполнены глазницы, а носовая полость забита ярко-алой охрой (Тощев 1992: 30). Охрой обычно посыпалось и дно ямы, нередко в могилах и находки охры в виде бесформенных или обработанных кусочков формованных плиток.

В погребениях изредка встречаются кости домашних животных (овцы, козы, быка, лошади) и ещё реже — диких (тура, оленя). Находки погребального инвентаря более часты, однако большинство погребений буджакской группы, как и всей ямной культурно-исторической общности, безынвентарны. Погребальный инвентарь обнаружен примерно в трети всех погребений, среди основных — в 20%. В состав инвентаря входит керамика (около половины всех находок), изделия из кремня и камня, металла, кости и рога. Выделяются изделия из дерева, кожи и тростника. Сочетание находок в одном погребении

Рис. 4. Ямная культура, буджакская группа. Образцы керамической посуды: 1 — Огородное III, курган 1; 2 — Маяки-82, 2/7; 3 — Градешка I, 5/11; 4 — Алкалия, 5/6; 5 — Михайловка, 3/6; 6 — Дальник II, 3/6; 7 — Новоградовка, 3/10; 8 — Новоградовка, 1/4; 9 — Жёлтый Яр, 5/4; 10 — Вишнёвое, 17/4; 11 — Траповка, 1/8; 12 — Новоградовка, 5/3; 13 — Вишнёвое, 17/4; 14 — Траповка, 6/20; 15 — Маяки-82, 1/8; 16 — Михайловка, 3/12; 17 — Траповка, 4/5; 18 — Новоградовка, 2/9; 19 — Глубокое, 2/11).

бении самое различное. Чаще всего встречаются одиночные сосуды, ставившиеся обычно у головы погребённого, иногда у ног, таза или даже на уступе в насыпе кургана недалеко от устья могилы. При помещении в яму 2-4 сосудов (что довольно редко), они устанавливались и в различных её углах.

С учётом типологических схем, разработанных для керамики ямной и других синхронных культур, посуда буджакской группы подразделяется, в основном, на амфоры, горшки, баночные сосуды, воронковидные кубки, кувшины, чаши и миски. Вся посуда, за редким исключением, плоскодонная, иногда с незначительной вогнутостью дна и невысоким цилиндрическим поддоном.

Амфоры обычно довольно крупных размеров. Они разделяются на подтипы с большей или меньшей шаровидностью тулова и расположением на нём горизонтальных ручек посередине

либо в верхней части сосуда (рис. 4, 1, 3). Среди этого типа посуды известны экземпляры с округлым, яйцевидным дном (Ясски, 5/26) и небольшие амфорки с вертикальными ушками (рис. 4, 5).

Горшки — наиболее массовый и разнообразный вид посуды. Среди них: высокие сосуды с широко открытым горлом, по-разному выделенной шейкой, иногда с отогнутым венчиком (рис. 4, 6, 8). Высокие округлобокие сосуды с высоким расширяющимся кверху горлом (рис. 4, 9). Низкие выпуклобокие, почти банковидные горшки, без выраженного венчика либо с едва выделенной или слабо изогнутой шейкой и чуть отклонённым венчиком (рис. 4, 10). Биконические бомбовидные сосуды без шейки (рис. 4, 13), горшки средних пропорций с высоким цилиндрическим горлом (рис. 4, 14) и почти биконические сосуды с

резко отогнутым горлом (рис. 4, 11).

В отличие от плоскодонности большинства горшков, некоторые из них округлодонные. Три таких сосуда найдены в погребениях Дунай-Днепровского междуречья (Нерушай, 9/49; Сергеевка 1/10; Валя-пержей 1/16), четыре — происходят из погребений междуречья Днестра и Южного Буга (Алексеева 1992: 59).

Баночные сосуды на втором месте после горшков. Среди них выделяются широкооткрытые сосуды с прямым или едва выпуклым туловом и сравнительно высокие конические либо цилиндрические сосуды. Оба подтипа делались с невысоким поддоном вертикальными ушками либо без этих элементов оформления (рис. 4, 2,4,7,10).

Воронковидные кубки — это сосуды с биконочским туловом различных пропорций и высоким воронковидным расширяющимся кверху горлом (рис.4, 17). Некоторые экземпляры делались с вертикальными ушками.

Кувшины делались с одной петельчатой ручкой, крепившейся к наиболее выпуклой части тулова и к шейке или краю венчика (рис. 4, 18,19). Среди них выделяются асковидные экземпляры со скошенным венчиком.

Чаши — приземистые сосуды с конически расширяющимся кверху туловом, прямыми или слегка выпуклыми стенками (рис. 4, 15). Некоторые делались с налепными ручками-ушками.

Миски в основном напоминают чаши, но более крупные по размерам, более широкие и, иногда, довольно выпуклобокие (рис. 4, 12,16).

Из редких форм керамики следует выделить несколько воронок, типичных для катакомбной культуры, но найденных в трёх ямных погребениях у Новоградовки, и амфорковидный горшочек с двумя ушками и катушковидным носиком для слива (Белолесье, 3/15).

Значительная часть посуды всех основных типов в той или иной мере орнаментирована оттисками шнура. Реже посуда украшалась круглыми вдавлениями, делавшимися, вероятно, трубчатой костью, или резным орнаментом. Для орнаментальных мотивов характерны горизонтальные либо косые ряды линий, образующих различные углы, зигзаги, треугольники различных сочетаний, часто заполненные отпечатками отрезков шнура (рис.4). Орнамент наносился либо на всю поверхность сосуда, либо на её верхнюю часть. Нередки экземпляры посуды, украшенные по краю венчика оттисками пальца или насечки (рис.4, 8,11).

Каменные изделия представлены в погребениях различными растиральниками (рис. 5, 23), зернотёрками, выпрямителями древков стрел (рис. 5,30) и подобными утяжелителями для сверления костью, топорами (рис. 5,26) различных конфигураций со сверлёным отверстием (Алексеева 1984: 27, рис.2; Иванова, Цимидапов 1998: 151, рис. 3). Единичны находки округлой бусины из бесцветного прозрачного кварца

(Градешка I, 5/1) и грушевидной булавы (Алкалия, 33/3). Особо выделяется монументальная скульптура из камня — антропоморфные стелы. Они делались как в виде примитивно обработанных плит с едва выделенной головой (рис. 3,4), так и с углублённо прочерченным изображением лица, рук, элементов одежды и пр. (Новицкий 1990).

Из кремня делались подтрапещиевидные топоры со шлифованной поверхностью (рис. 5,21,27), разнообразные по форме концевые скребки (рис. 5,25,28,29) и наконечники стрел (рис. 5, 24, 31), ножи (рис. 5, 22). Относительно часто в могилах встречаются различные отщепы и осколки кремней.

Металлические предметы более разнообразны. Самые крупные из них — бронзовые топоры-тесла (рис.5, 1) и ножи листовидной и копьевидной формы (рис. 5, 12,13). Из мелких изделий отметим четырёхгранные шилья (рис.5, 2), пронизки-обоймочки для составных браслетов (рис. 5, 3-7), пронизки-подвески для головных уборов (рис. 5, 9-11) и колечковидные серьги. Наиболее многочисленными являются височные подвески, свёрнутые в 1,5-5 оборотов из серебряной (в основном), золотой и медной проволоки (рис. 5, 8).

Среди изделий из рога известны муфты (рис. 5, 14,15), применявшиеся для крепления каменных и кремнёвых орудий, и молоточковидные булавки, две из которых найдены в Поднестровье (Яровой 1991: 97), а одна — у с. Старые Беляры близ Одессы (Петренко 1991: 83, рис. 27, 6). Из кости делались проколки (рис. 5,16), бочонковидные бусы (рис. 5, 20) и заколки — приострённые стержни с выделенной надрезами головкой (рис. 5, 17,18). Широко были распространены подвески из зубов хищных животных и дикого кабана (рис. 5. 19).

Относительно велик и разнообразен набор находок из органических материалов. Из дерева, например, делались такие сложные конструкции, как носилки (Иванова, Ветчинникова 1992: 9), повозки (рис. 3, 1), а также, вероятно, лодки (Субботин 1980: 54-55) и сани (Новицкий 1985: 232-235). Деревянными были колчаны и луки (Алкалия, 33/3; Хаджидер I, Костокова могила, п. 3), псалии (Виноградовка. 6/4) и некоторые сосуды (рис. 5, 32). Остатки последних выявлены в четырёх погребениях: 33/3 могильника Алкалия, 3/13 у с.Шевченково Килийского района, 1/2 могильника Градешка II и 1/3 могильника Дивизия II (Субботин 1994: 69, рис. 1,3; 71). В погребении 1 кургана у с.Великозименово найдены расписные палочки-шпильки от головного убора (Петренко, Тоцев 1990: 75, рис.3).

Распространёнными находками являются плетёные из тростника различные циновки, достигающие размера 2х4 м. Часть из них была упрощенно орнаментирована чёрными (преимущественно) и белыми полосами (Баштановка, 4/24; Новосельское, 4/13; Вишнёвое, 52/13,14;

Семёновка 8/9; Маяки-82, 1/16; Траповка, 4/13). Более сложно и художественно орнаментированы небольшие коврики погребения 8/9 Семёновского могильника (Субботин 1985: 64, рис. 7, 7) и погребения 16 кургана 1, раскопанного у с.Маяки в 1982 г. (Субботин 1993: 36, рис.8, 1, 2).

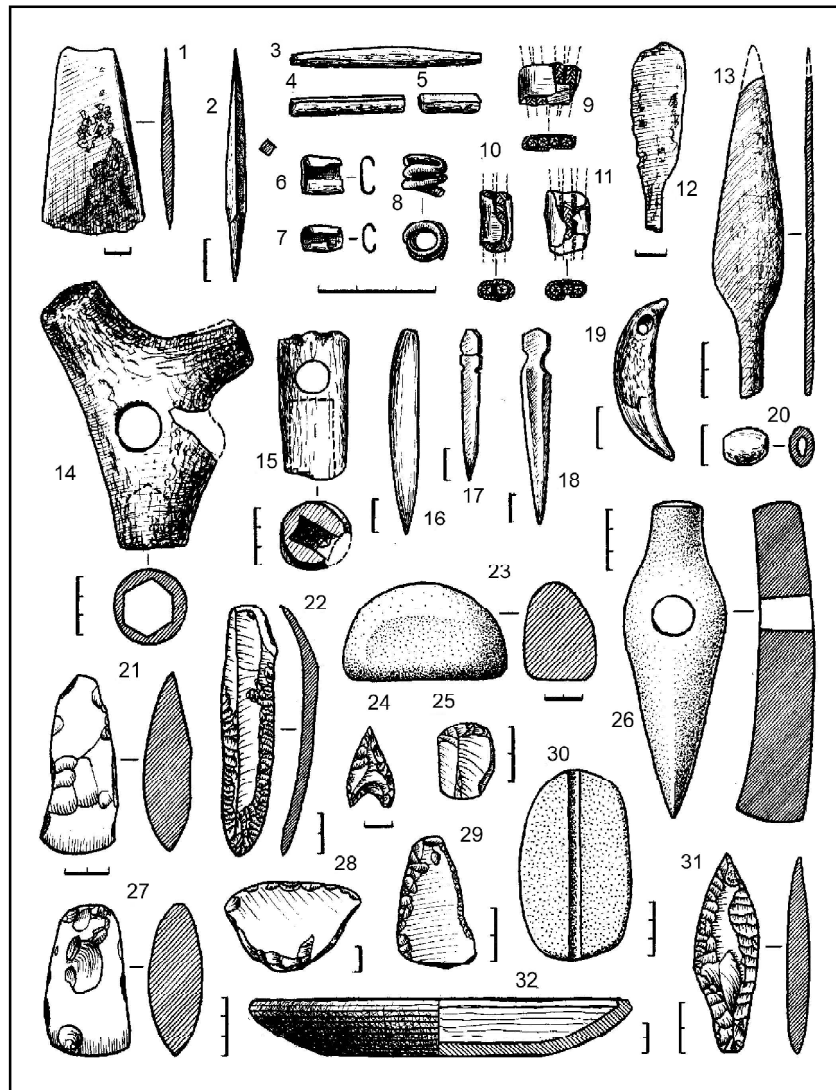
Уникальной является и находка в погребении 1/7 у с. Холмское кожного предмета с тиснёным и раскрашенным орнаментом (Гудкова, Новицкий 1981: 51-53).

Археологические источники территории распространения памятников буджакской группы представляют собой в настоящее время наиболее представительную группу во всём фонде памятников обширной ямной культурно-исторической области. Эти источники показывают, прежде всего, что население, оставившее их, являлось в своей основе неразрывной частью массива ямных племён Северного Причерноморья. Свидетельство тому — и погребальный обряд, и связанные с ним сооружения, и основной облик материальной культуры.

Вместе с тем, источники наглядно отражают и заметную самобытность духовной и хозяй-

ственной жизни местного населения. В сравнении с аналогичными памятниками, распространёнными к востоку от Южного Буга, это выразилось в преобладании погребальных ям с уступами и западной ориентировки при единичности находок округлодонных (яйцевидных) сосудов, в отсутствии таких украшений, как кованые из бронзы круглые бляхи с пуансонным орнаментом и костяные трубчатые пронизи с поперечной нарезкой. Признаками своеобразия может также служить массовое распространение медных пронизей и различных топоров из камня и кремня. Многие формы топоров (клиновидные, треугольные, двулезвийные, ладьевидные), как и распространение целого ряда не свойственных для ямной культуры сосудов (воронковидные кубки и подобные сосуды с высоким цилиндрическим горлом, некоторые виды амфор и горшков, цилиндрические банки и аскоидные кувшины), свидетельствуют о значительном влиянии со стороны довольно многих культур конца энеолита — ранней бронзы. Это влияние, несомненно, стало возможным благодаря большой подвижности ямного населения Буго-Дунай-

Рис. 5. Ямная культура, буджакская группа. Материалы из погребений: 1 — Алкалия, 35/6; 2, 13 — Фрикацей, 4/12; 3-5 — Лиман, 3А/30; 6, 7 — Семёновка, 2/2; 8 — Семёновка, 11/5; 9-11 — Траповка, 4/7; 12 — Алкалия, 5/8; 14 — Фрикацей, 1/5; 15 — Вишнёвое, 13/6; 16 — Кочковатое, 24/4; 17 — Новоградовка, 3/8; 18 — Кубей, 22/18; 19 — Агеевка, 1/5; 20 — Новоселица, 19/11; 21 — Семёновка, 8/13; 22 — Алкалия, 5/6; 23 — Траповка, 10/12; 24, 32 — Алкалия, 33/3; 25 — Алкалия, 5/14; 26 — Алкалия, 23/18; 27 — Григорьевка, 1/10; 28 — Белолесье, 4/5; 29 — Семёновка, 1/5; 30 — Надлиманское, 1/16; 31 — Дивизия II, 6/3 (1-13 — металл; 14-20 — рог, кость; 21-31 — кремень, камень; 32 — дерево).

ского междуречья, дававшей возможности вступать в широкие контакты и связи не только с ближайшими инокультурными племенами, но и с довольно отдалёнными.

Анализ признаков таких контактов, повлиявших на своеобразие рассматриваемой группы памятников, проведённый рядом исследователей (Алексеева 1984; Черняков, Тоцев 1985: 18-20; Дергачёв 1986: 81-82; Чмихов, Черняков 1988), показал следующее. Развитие ямного в своей основе населения шло на раннем этапе при определённых контактах и некотором влиянии со стороны местных племён степного энеолита, усатовской культуры. На среднем этапе инокультурное влияние довольно значительно возрастает. Особенно оно прослеживается со стороны синхронных племён верхнеднепровской и подольской групп Подкарпатской культуры

шнуровой керамики, а также таких культур, как среднеднепровская, шаровидных амфор, воронковидных сосудов и Коцофень. На позднем же этапе определённую роль играют контакты с однокультурным населением Буго-Днестровья и Крыма (Кеми-Оба), и, особенно, с племенами катакомбной культуры (Субботин 1993а: 16-21).

Естественно, буджакские племена не могли не оказывать и своего собственного влияния на соседей (Субботин 1990а: 51-53). Для определения процессов формирования буджакской группы и её роли в этноистории Европы большую роль играют хронологические данные, которые устанавливаются не только на основании сравнительно-типологического анализа погребального инвентаря, но и благодаря серии радиоуглеродных дат, полученных при изучении ямных памятников Одесщины:

4770±120 или 2820 г. до н.э. (Ки-660) — Утконосовка, 1/3;
 4700±80 или 2800±80 гг. до н.э. (Ки-1713) — Новоселица, 20/9;
 4600±90 или 2600±90 гг. до н.э. (Ки-2126) — Семёновка, 14/2;
 4580±40 или 2630 г. до н.э. (Ле-2328) — Маяки-82, 1/9;
 4520±70 или 2540±70 гг. до н.э. (Ки-1219) — Новоселица, 19/7;
 4490±90 или 2540±90 гг. до н.э. (Ки-2394) — Лиман, 2/2;
 4400±50 или 2430 г. до н.э. (Ки-1758) — Семёновка, 11/6;
 4200±80 или 2300 гг. до н.э. (Ки-1738) — Вишнёвое, 17/38;
 2020±40 гг. до н.э. (Ле-2323) — Огородное-80, 1/14;
 3950±90 или 2000±90 гг. до н.э. (Ки-1217) — Вишнёвое, 17/4;
 3800±120 или 1850±120 гг. до н.э. (Ки-1439) — Вишнёвое, 17/37;
 1840±40 гг. до н.э. (Ле-2322) — Нагорное, 15/10;
 3800±60 или 1820±60 гг. до н.э. (Ки-1220) — Новоселица, 19/11;
 3700±60 или 1800±60 гг. до н.э. (Ки-1424) — Вишнёвое, 17/36;

Таким образом, даты по С14 ограничивают хронологическое положение буджакских ямных памятников рамками второй четверти III тыс. — начала XVII в. до н.э., что в целом подтверждается и стратиграфическими данными курганов, определяющими их место синхронно или чаще всего, в пределах от усатовского времени до позднекатакомбного. Этот вывод, в основном, согласуется с результа-

тами наблюдений Е.В. Ярового (1985: 107-108) и В.А.Дергачёва (1986: 79-80, 85-86), если рассматривать выделение им ранней и поздней групп в комплексе. Однако следует отметить и существование иной точки зрения, согласно которой «буджакские памятники должны датироваться также, очевидно, как и ямные да катакомбные — 2300-1600 гг. до н.э.» (Чмихов, Черняков 1988: 96).

Катакомбная культура

К концу раннебронзового века в ареал буджакских позднеямных племён с востока продвинулись племена катакомбной культуры. Эта культура, выделенная В.А. Городцовым в начале XX века и рассматриваемая ныне как культурно-историческая общность шести локальных катакомбных культур, занимала в XX-XVI вв. до н.э. практически всю степную и лесостепную зоны Северного Причерноморья от Нижней Волги до Дуная (Братченко, Шапошникова 1985).

В Северо-Западном Причерноморье первые катакомбные памятники были открыты в 1912-1913 гг. в Одесском кургане на Слободке-Романовке (Тоцев 1984). Однако, в связи с тем, что довольно длительное время после этого подобных памятников в рассматриваемом регионе не

встречалось, западная граница распространения культуры ограничивалась сначала Днепром, затем — левобережьем Южного Буга. Не считались достаточным основанием для включения этого региона в ареал катакомбной культуры и единичные катакомбные комплексы, открытые в 40-60-х гг. на территории Румынии (Холбоака, Смеень) и в 50-60-х гг. в Нижнем Поднестровье (Калфа, Монаши, Каушаны, Ефимовка) и в верховьях р.Когильник (Градиште, Гура-Галбенэ).

Иная ситуация сложилась в середине 70-х — начале 90-х гг., когда археологические исследования в степном Буго-Дунайском междуречье привели к открытию более 300 новых катакомбных памятников, благодаря чему этот регион стал уверенно рассматриваться в качестве

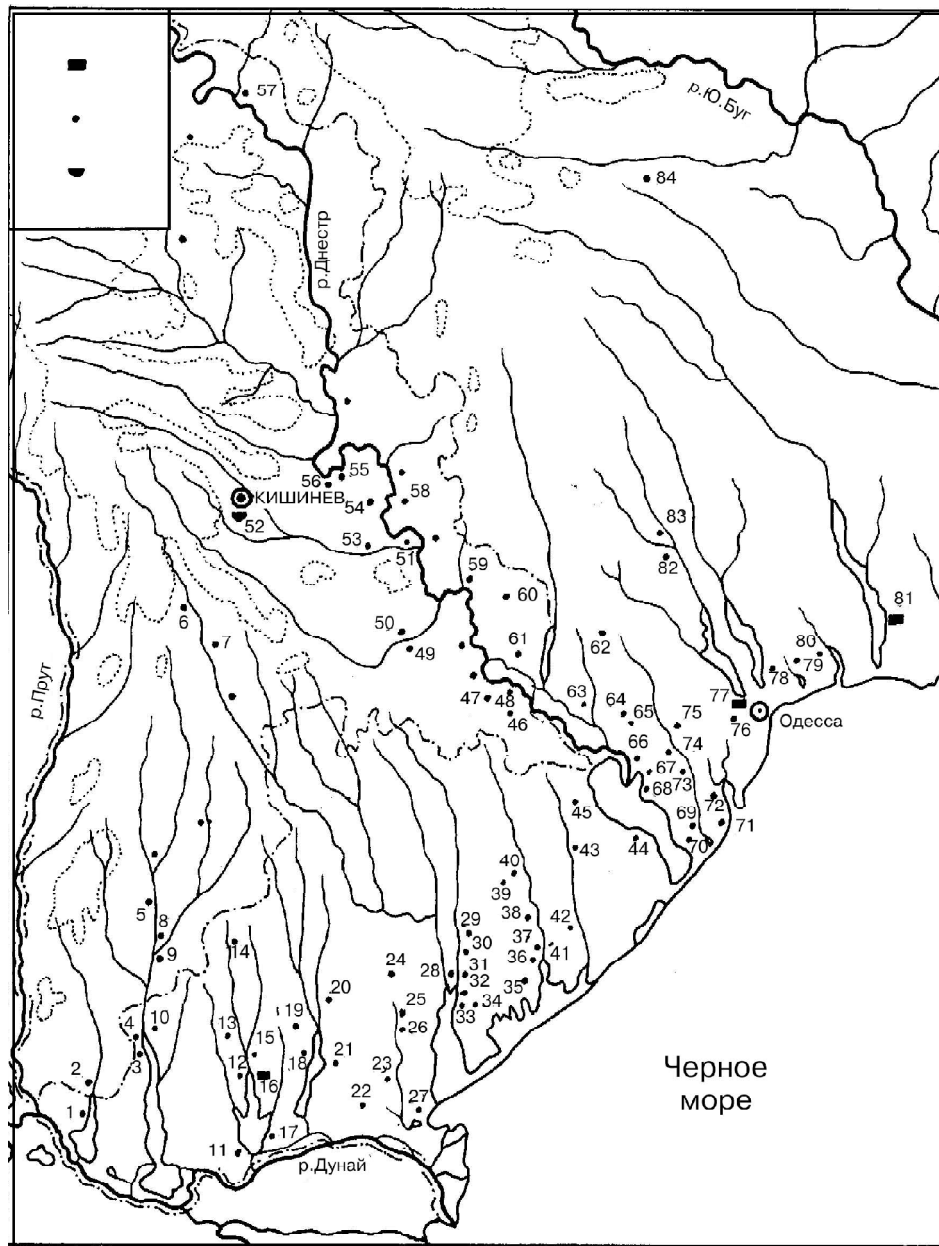

Рис. 6. Карта памятников катакомбной культуры (I — поселения, II — курганные памятники, III — бескурганные могильники):

1 — Фрикацей, 2 — Етулия II, 3 — Курчи I, 4 — Курчи, 5 — Балабаны, 6 — Гура-Галбенэ, 7 — Градиште, 8 — Таракля, 9 — Копчак, 10 — Болград, 11 — Богатое, 12 — Утконосовка, 13 — Васильевка (Болградский р-н), 14 — Огородное I, II, 15 — Суворово, 16 — Суворово III, 17 — Кислица, 18 — Приозёрное, 19 — Дзинилор, 20 — Холмское, 21 — Червоный Яр, 22 — Парাপоры, 23 — Мирное (Килийский р-н), 24 — Виноградовка, 25 — Баштановка, 26 — Струмок, 27 — Приморское, 28 — Татарбунары, 29 — Михайловка, 30 — Белолесье, 31 — Заречное, 32 — Новоселица, 33 — Траповка, 34 — Вишнёвое, 35 — Жёлтый Яр, 36 — Лиман, 37 — Дивизия, 38 — Сергеевка, 39 — Хаджидер III, 40 — Хаджидер I, 41 — Дивизия II, 42 — Алкалия (Широкое), 43 — Монаши, 44 — Молога, 45 — Семёновка, 46 — Оланешты, 47

— Пуркары, 48 — Новые Раскаецы, 49 — Каушаны, 50 — Урсоая, 51 — Гура-Быкулуй, 52 — Данчаны, 53 — Рошканы, 54 — Слея, 55 — Коржово, 56 — Балабанешты, 57 — Каменка, 58 — Буторы, 59 — Тирасполь, 60 — Никольчкое, 61 — Глиное, 62 — Щербанка, 63 — Ясски, 64 — Петровское, 65 — Березань, 66 — Маяки, 67 — Надпиманское, 68 — Ефимовка, Николаевка, 69 — Дально-Большой Куяльник, 70 — Роксоланы, 71 — Санжейка, 72 — Великодолинское, 73 — Новоградовка, 74 — Петродолинское, 75 — Мирное (Беляевский р-н), 76 — Слободка-Романовка (Одесса), 77 — Усатово-Большой Куяльник, 78 — Шевченково (Одесса), 79 — Большой Аджалык (Свердлово), 80 — Старые Беляры, 81 — Червона Украина, 82 — Катаржино (Червонознаменка), 83 — Великозименово, 84 — Агеевка.

крайней западной части всего ареала общности.

В отличие от смежной территории Буго-Днепровского степного междуречья, где выявлено помимо сотни погребений более ста катакомбных поселений и стойбищ-летовок (Никитин 1990), в степной зоне Северо-Западного Причерноморья зафиксировано лишь три подобных памятника. Это многослойные поселения Усатово-Большой Куяльник у Хаджибейского лимана, Червона Украина у Тилигульского лимана и Суворово III на берегу придунайского озера Катлабух (рис. 6), на которых среди разнотипного материала выявлено незначительное количество керамики, связанной с непродолжительным обитанием носителей катакомбной культуры (Черняков 1985: 22-23; Тошев 1982: 7; Суботин 1972: 367). В целом же катакомбная культура рассматриваемого региона характеризуется погребальными памятниками, которые выявлены в 91 пункте (рис.6). При этом практически все эти памятники курганные. Исключением являются лишь два грунтовых погребения у Данчен (Молдова), хотя и они были явно совершены по курганному обряду: как отмечено В.А.Дергачёвым, этот пункт является всхолмлением, вероятно принятым древними людьми за курганную насыпь (Дергачёв 1983: 135). Аналогична ситуация и с двумя грунтовыми погребениями у с.Лишкотянка в Румынии, где они были впущены в гумельницкий телль.

Большинство катакомбных курганных памятников сконцентрировано в Буджакской степи и в бассейне Нижнего Днестра. Восточнее они довольно редки, однако это скорее всего связано с весьма незначительным числом раскопанных курганы вообще единичны. Это — курган 9 у с.Семёновка Белгород-Днестровского р-на (Субботин 1985: 89-91), курган 57 у с. Вишнёвое, курган 19 у с. Лиман и курган 2 у с. Мирное Беляевского р-на (Шмаглий. Черняков 1985: 128) и курган 1 у с. Гура-Быкулуй Новоаненского р-на Молдовы (Дергачёв 1984: 4-7) Все эти насыпи возведены в один приём и имели незначительные размеры: высота — от 0,45 до 0,8 м, диаметр — от 16 до 35 м. За исключением семёновского, все насыпи использовались впоследствии для впускания иных захоронений. Причём, впускное катакомбное погребение имелось лишь в кургане у Гура-Быкулуй.

Основная масса катакомбных погребений была впущена в инокультурные курганы более раннего времени, высота которых обычно в полтора-два раза больше, чем у курганов, возведённым катакомбным населением.

При этом преимущественно использовались под кладбища курганы ямной культуры, располагавшиеся на высоких плато и водоразделах; как отдельные насыпи многокурганных ямных могильников, так и выбранные среди них группы из 3-4 и более насыпей. Например, из 10

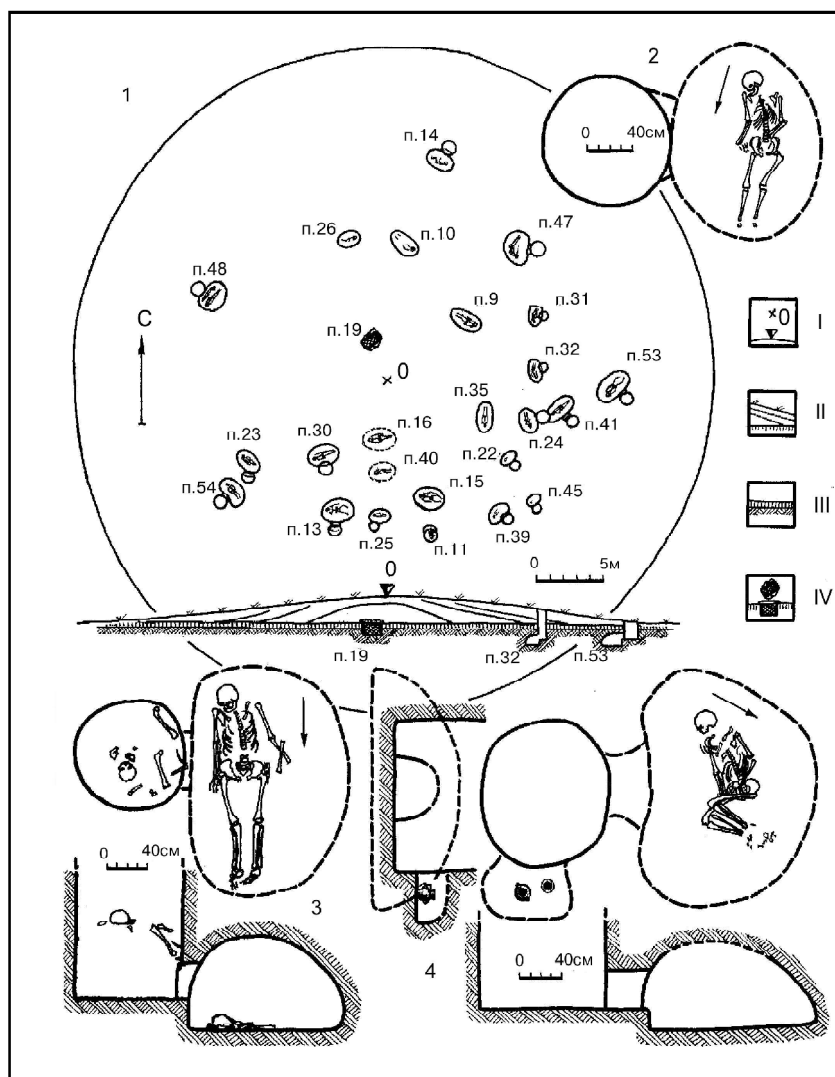
ямных курганов, исследованных у Траповки и Новоселицы, катакомбное население использовало для своих погребений только 5, а из 18 курганов могильника Тараклия II — 10. В кургане обычно впускалось от 1 до 6 погребений, но иногда и больше; в кургане Костюкова могила могильника Хаджидер I их зафиксировано 8, в кургане 3А у с. Лиман и кургане 1 у с. Приморское — по 11 (Чеботаренко и др. 1993: 47-61), а в кургане 17 у с. Вишнёвое — даже 24 (Дворянинов и др. 1985: 147-169).

В отличие от ямных впускных погребений, катакомбные почти не впускались с вершины кургана. Обычно они располагались не ближе 3-5 м от неё, занимая, в основном, срединный пояс насыпи (рис.7,1). При этом довольно редко использовался под захоронения и северо-западный сектор кургана. При впускании в одну насыпь нескольких погребений могильные сооружения размещались, как правило, небольшими компактными группами по дугам, выгнутым в сторону от вершины. Вполне допустимо, что погребения каждой из таких групп могли быть относительно одновременными и составлять микрокладбища определённых семейных общин (Дергачёв 1983: 137-138; 1986: 93). При большом количестве погребений эти группы, обычно состоявшие из 3-4 захоронений, прерывисто размещались относительно центра кургана по кругу или несколькими концентрическими кругами, что напоминает круговую планировку впускных погребений ямной культуры. Если судить по месту в курганах наиболее распространённых единичных погребений, основополагающим сектором для круговой планировки, т.е. для возможного превращения ямной насыпи в катакомбное кладбище, был, как правило, южный сектор (Субботин 1995: 63). Во всех случаях прослеживается обычай располагать погребения в кургане так, чтобы могилы были направлены осью по касательной к условной окружности. Входной колодец при этом располагался дальше от центра кургана, чем погребальная камера (рис. 7,1).

Общими принципами сооружения подавляющего большинства могил являются: а) устройство их непосредственно в материке с углублением в него на 1-1,5 м и более (в погребении 1/4 у Великозименово глубина превышала 3 м, либо так, чтобы основание камеры было в материке, а её свод заходил в плотный грунт погребённой под курганом почвы; б) установление над погребениями определённых опознавательных знаков, что не допускало перерезания одних камер другими и давало возможность в случае необходимости использовать их через какое-то время повторно, а то и неоднократно, в качестве семейного склепа (Вишнёвое, 17/48; Траповка, 4/14; Лиман, 3А/31 и др.).

Рассматривая катакомбные погребальные сооружения Северо-Западного Причерноморья, В.А.Дергачёв разделил их сначала на пять кон-

Рис. 7. Катакомбная культура. Пример расположения погребений в кургане (1), варианты погребальных сооружений и позиций скелетов (2-4): 1 — Вишнёвое, курган 17 (I — условный репер; II — насыпь и досыпки ямного времени; III — погребённый чернозем и материк; IV — основное, ямное, погребение); 2 — Вишнёвое, 17/24; 3 — Траповка, 10/7; 4 — Траповка, 1/18.

структивных типов (Дергачёв 1983: 138-140), затем — на четыре (Дергачёв 1986: 95-98). Признавая каждую из этих, в общем-то, различных, классификаций вполне допустимыми, считаем всё же, что, несмотря на заметное разнообразие могил по тем или иным элементам конструкций, они по характеру определяющих принципов подразделяются, в основном на три типа: 1 — катакомбы, 2 — подбойные камеры, 3 — простые камеры. Каждый из этих типов представлен рядом вариантов, не выходящих за основополагающие пределы.

1-й тип является ведущим. Он охватывал более 80% всех погребальных сооружений, основными частями которых были вертикальный входной колодец и погребальная камера — катакомба. Колодцы имели в плане форму круга или овала диаметром от 0,6 до 1,4 м, чаще — в пределах 0,9-1 м (рис. 7, 2-4; 8, 2,4; 9, 1-3,6,7). В единичных случаях колодцы делались прямоугольными, размером от 0,45 × 0,7 м (Гура-Быкулуй, 5/9) и 0,9 × 1 м (Старые Беляры, 1/2) до 1,25 × 1,75 м (Фрикацей, 4/25), либо трапециевидными в плане со значительной округлённостью углов (рис. 8, 1). Раз-

меры последних: от 0,75 × 0,8 (Вишнёвое, 17/45) до 2,2 × 2,7 м Семёновка, 9/1). Глубина колодцев определялась достаточно для устройства катакомбы в плотном грунте и зависела от мощности надматерикового слоя погребённой почвы (для основных погребений) либо ещё и расположенного поверх неё насыпного грунта кургана (для впускных погребений). В среднем же, колодцы опускались в материк на глубину 1-2 м.

Катакомбы обычно выкапывались от дна колодца в сторону центра кургана. В плане они делались преимущественно удлинённо-овальными, овально-сегментовидными с более прямой стенкой у входа (рис. 7, 2,3; 8, 1-3,6) либо бобовидными с вогнутостью в сторону колодца (рис. 7, 4; 9, 7). Известны катакомбы и прямоугольные (рис. 8, 1,4), размером 1,3-1,95 м (Семёновка, 9/1), 1,85 × 2,3 м (Агеевка, 1/9), 2,1 × 2,8 м (Васильевка, 11/4) и т.п. Свод катакомб делался куполовидным либо неравномерно округло-выпуклым — с понижением к одному длинному краю. Высота свода 0,7-1,6 м. Уникальной является катакомба погребения 17/31 Семёнов-

ского могильника (рис. 8, 2): её основание, размером $1 \times 1,4$ м, было прямоугольным с одного узкого края и округлённым с другого, а потолок, находившийся на высоте 0,95 м, и стенки были выполнены почти строго ровными. Колодцы соединялись с катакомбами посредством короткого арочного прохода-лаза, длиной от 0,1 до 0,4 м, либо сопрягались с камерой вплотную за счёт простого щелевидного прохода в неё. Высота проходов в своих случаях равнялась 0,35-0,8 м, ширина — 0,4-0,8 м. Иногда дно катакомбы и колодца находились на одном уровне (Старые Беляры, 1/17), чаще же дно камеры делалось ниже дна колодца на 0,1-0,6 м, и более, достигая до 1,5 м (Старые Беляры, 1/32). При этом для удобства перехода в катакомбу делались 1-3 отвесные ступеньки. В ряде случаев ступеньки выполнялись наклонно. В погребении 3/5 у с.Каменки подпрямоугольная ступенька сочеталась с узким наклонным дромосом длиной более 1 м (Манзура и др. 1992: 111, рис. 9/1).

Традиционно колодцы располагались напро-

тив середины примыкавшей к ним стороны погребальной камеры, но, в ряде случаев, они смещались ближе к одной из торцовых сторон (Новоселица, 19/20; Траповка, 1/3; Вишнёвое, 17/22,23). Послойная заиленность, прослеженная на полу ряда катакомб у оз. Сасык (Вишнёвое, 17/13,14; 18/19), указывает на то, что могилы после выкапывания на определённое время оставались открытыми до похорон в них либо до очередных подзахоронений (Вишнёвое, 17/48; Траповка, 4/14). Любопытным свидетельством такой открытости служит, в частности, отмеченная при расчистке основания катакомбы 17/14 у с.Вишнёвое законсервированность между прослойками ила залетевшей в открытую камеру бабочки. Напластования же грунта в камерах вследствие постепенного разрушения свода указывают на пустование большинства камер и после засыпки колодцев. Последние же чаще заполнялись плотно утрамбованным глинистым грунтом, что, собственно, и является одной из причин нередкой непрослеживаемости

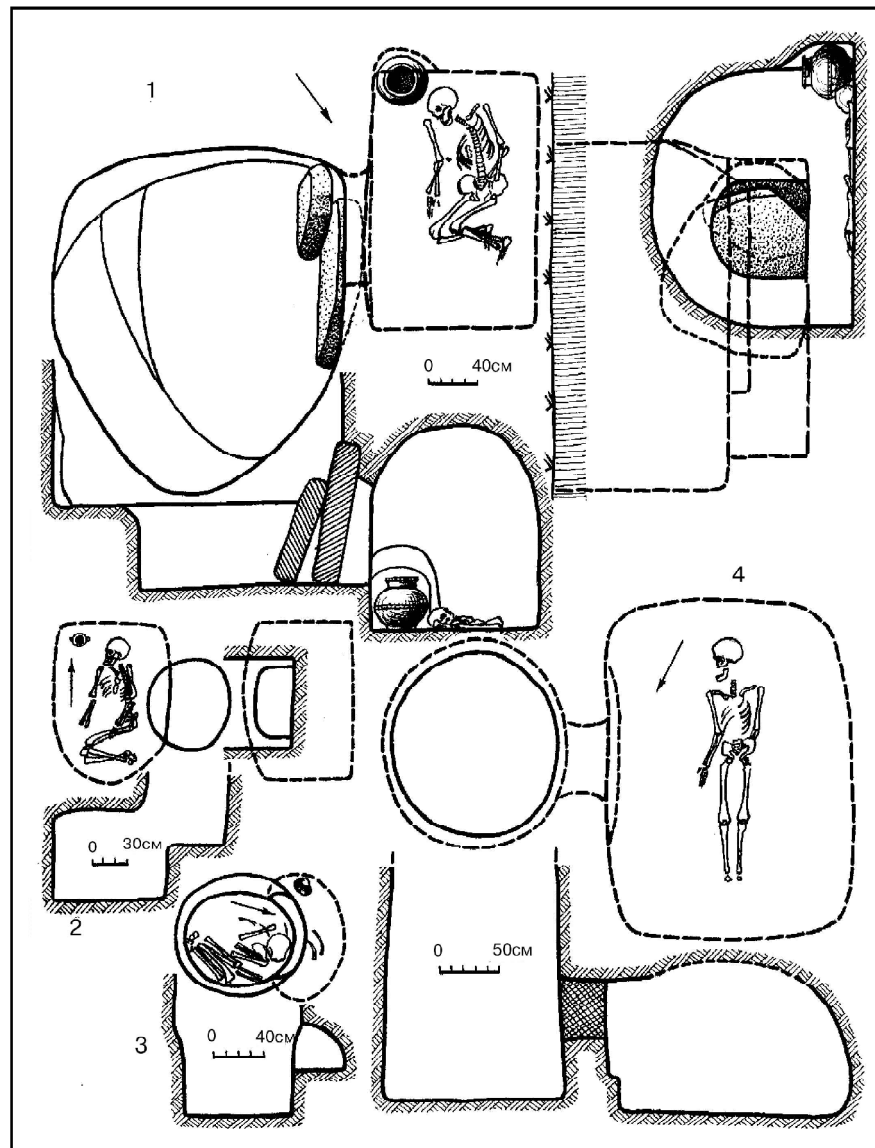

Рис. 8. Катакомбная культура. Варианты погребальных сооружений и позиций скелетов: 1 — Семёновка, 9/1; 2 — Вишнёвое, 17/31; 3 — Вишнёвое, 17/11; 4 — Васильевка, 11/4.

контуров входных колодцев на уровне материка при раскопках. В погребении 19/20 у с. Новоселицы в суглинистом заполнении колодца находился ещё и слой камня. Каменные плиты использовались иногда и для непосредственного закрытия прохода в камеру (Холмское, 2/22; Великозименово, 1/4; Старые Беляры, 1/2; Семёновка, 9/1; Гура-Быкулуй, 5/9; Каушаны, 1/8, 15). В погребении 2/4 у Каушан отмечено применение для этой цели антропоморфной стелы из ямного захоронения (Чеботаренко и др. 1989: 91-92). Для того же применялось и редко фиксируемое дерево (Фрикацей, 4/25; Тараклия 1, 3/4; Рошканы, 1/6; Урсоая, 3/11). В погребениях 3/2 у Тараклии зафиксирована замазка щелей между камнями глиной. Оригинальным является устройство прохода в погребении 11/4 Васильевского могильника: лаз был сделан на 0,5 м выше дна колодца с оставлением между ним и камерой суглиникового порошка шириной 0,35 м (рис. 8, 4). Весь проход при этом был забит сырцово-й пробкой. Подобная пробка, но из чернозёма, уплотнённого в виде поперечного бортика, перекрывала, помимо каменной плиты, проход в катакомбу погребения 1/15 у Каушан (Чеботаренко и др. 1989: 84-85, рис. 36,4). Материковые же порошки, отделявшие катакомбу от колодца, отмечены в погребениях 11,18 и 19 кургана 3 у с. Урсоая (Чеботаренко и др. 1989: 122, рис. 53.1; 128, рис. 56, 3,4). Высота этих порошков 0,1-0,15 м, ширина 0,1-1,15 м, ширина 0,15-0,2 м. Известны случаи закладки проходов лопаткой домашнего быка (Вишнёвое, 17/53) или зернотёркой, размером 0,3 × 0,4 м, растиральник от которой, кстати, находился в заполнении колодца (Каушаны, 1/8). Из редких конструктивных особенностей могильных сооружений следует отметить также устройство в их стенках специальных ниш для посуды. В погребении 9/1 у Семёновки, например, такая ниша была сделана в углу камеры от входа, за головой погребённого (рис. 8,1), а в погребении 1/18 у с. Траповка — в стенке колодца справа от входа (рис. 7, 4).

В целом, почти все сооружения 1-го типа являлись однокамерными катакомбами. В сочетании входных колодцев и погребальных камер с учётом разноплановости их контуров выделяется 6 своеобразных вариантов¹: А — круглый или овальный колодец и овальная либо овально-сегментовидная камера; Б — круглый или овальный колодец и прямоугольная камера; В — круглый или овальный колодец и прямоугольная камера; Г — прямоугольный колодец и подовальная камера; Д — трапециевидный колодец и овальная камера; Е — трапециевидный колодец и прямоугольная камера. Особую, хоть и малочисленную группу, составляют двухкамерные катакомбы (Дергачёв 1983: 138-139; 1986:

95). Одна из них выявлена в Подунавье (Тараклия II, 1/18) и две — в Поднестровье (Гура-Быкулуй, 5/11-12 и 14-15). Во всех этих комплексах катакомбы вырыты от основания подпрямоугольных в плане колодцев. Судя по погребениям 5/11-12 у с. Гура-Быкулуй (Дергачёв 1984: 18, рис. 6,12,13), представляющих собой спаренный комплекс вариантов «А» и «Б», и расположению поблизости катакомбы варианта «Г» (погребение 5/9), а также по группированию катакомб вариантов «А» и «Б» в кургане 3А у с. Лиман, отмеченная выше вариативность какого-либо принципиального значения в погребальном обряде катакомбных племён не имела.

Особо выделяется среди могил 1-го типа уникальное впускное погребение 28 кургана 1 у с. Щербанка. Округлой формой колодца и овальной камерой оно тяготеет к варианту «А», однако сочетание этих основных конструктивных элементов совершенно необычно. Они взаиморасполагаются по направлению длинной оси камеры и соединяются довольно длинным (1,6) дромосом, наклонённым к катакомбе под углом 45° (Бейлекчи В.В. 1993: 71,77, рис. 10,2).

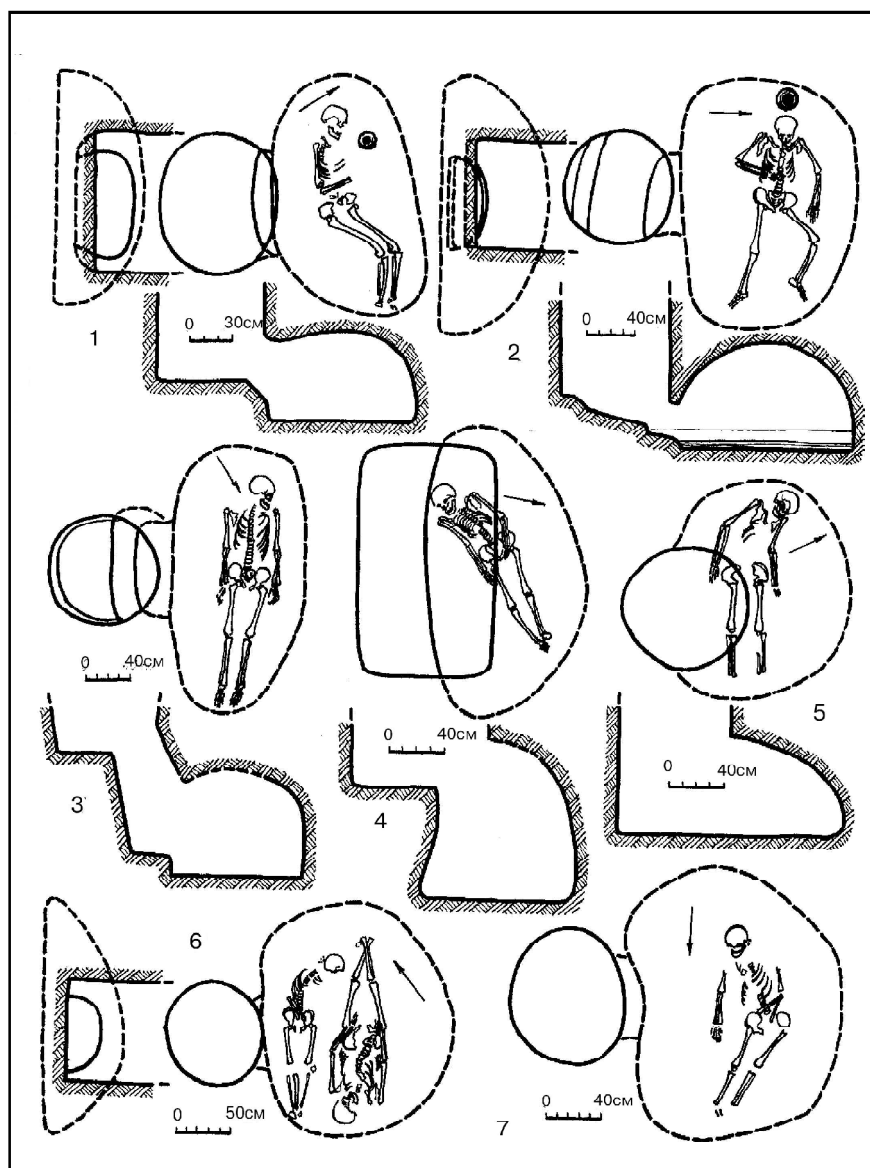
2-й тип могильных сооружений — подбойный — количественно незначителен. Принципиальным отличием его от 1-го типа является практическое отсутствие катакомбы как таковой, хотя само погребальное устройство и оформлялось по принципу однокамерных катакомб и с соблюдением их основных метрических параметров.

Входной колодец сооружений этого типа по отношению к погребальной камере был «навесным» либо «накладным». В первом варианте колодец как бы нависал над значительной частью погребальной камеры, подбойно расширявшейся в сторону от ступеньки сильно срезанного при этом дна (рис. 9, 4). Основание таких камер обычно подовально вытянутое, входные же колодцы в плане различны: круглые (Старые Беляры, 1/1), в виде овала параллельно подбою (Коржево, 4/5; Этулия II, 1/4) либо в виде также располагавшегося прямоугольника (Жёлтый Яр, 3/17). Во втором варианте входной колодец как бы накладывался на камеру по центру либо вплотную к одному её длинному краю, камера же образовывалась благодаря подбойному расширению самого колодца у его дна (рис. 9, 5). Общее дно в этом случае овальное, а колодцы в плане либо тоже овальные (Старые Беляры, 1/3; Ефимовка, 9/20), либо круглые (Новоселица, 19/22; Дивизия, 19/1; Жёлтый Яр, 5/16).

Исключением или вариантом данного типа погребений является погребение 17/11 у с. Вишнёвое. Здесь колодец не расширялся в специальную камеру, а захоронение было сделано непосредственно на его дне (рис. 8, 3). В стенке же этого колодца в 0,4 м выше дна имела бобовидная в плане подбойная ниша, размером 0,45 × 1 м и высотой 0,4 м, которая была сориентирована относительно центра кургана по принципу обычных катакомб. В нише находи-

¹ Г.Н. Тоцев делит аналогичные погребения Крыма на 14 вариантов (Тоцев 1987: 53).

Рис. 9. Катакомбная культура. Варианты погребальных сооружений и позиций скелетов: 1 — Жёлтый Яр, 1/15; 2 — Вишнёвое, 17/13; 3 — Вишнёвое, 17/41; 4 — Жёлтый Яр, 5/17; 6 — Вишнёвое, 17/48; 7 — Вишнёвое, 17/47.

лись лепной горшок и рёбра овцы.

3-й тип погребальных сооружений — простые камеры в виде овальных в плане либо прямоугольных ям. Достоверность установления принадлежности погребений к этому типу зачастую вызывают сомнения, так как в ряде случаев они могли быть и могилами 1-го типа, у которых по тем или иным причинам не прослежен входной колодец, а погребальные камеры выявлены у самого основания, что не позволяет установить были ли их стены просто вертикальными или поднимались с последующим переходом в свод. Надёжным определителем 3-го типа могут быть лишь признаки существования над камерой не традиционного земляного свода, а деревянного или каменного перекрытия. В связи со всем вышеотмеченным, погребений достоверно относящихся к этому типу насчитывается незначительное число (Борисовка, 2/1; Болград, 1/9; Траповка, 11/3; Ефимовка, 6/2; Каушаны, 1/9; Пуркары, 1/38; и др.).

К данному типу относятся и не имевшее признаков перекрытия основное погребение 2/3 у с. Мирное Беляевского р-на (Шмаглий, Черняков 1985: 121, рис. 8,13; 128) и подобное погребение 1/3 у с. Гура-Быкулуй (Дергачёв 1984: 6-7). О ямной по форме конструкции могилы последнего свидетельствует, в частности, наличие по её краям глиняного выкида, лежавшего на древней дневной поверхности.

Следует отметить, что известные основные катакомбные захоронения делались в могилах всех ведущих типов: 1-го типа — 9/1 у Семёновки, 2-го типа — 19/1 у Дивизии и, очевидно, 2/3 у Мирного; 3-го типа — 2/1 у Борисовки, 57/3 у Вишнёвого и 1/7 у Гура-Быкулуй.

К характеристике устройства погребальных сооружений в целом необходимо добавить, что дно камер часто покрывалось камышом, корой либо травой. Нередко оно посыпалось мелом, иногда охрой, которой окрашивались (менее интенсивно, чем в ямных погребениях) череп и

стопы ног покойного. В погребении 4/14 у Траповки отмечены остатки тростниковой циновки, окрашенной в чёрный цвет, которая покрывала дно входного колодца (Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: 32, рис. 10).

Ориентировка катакомбных погребений, как и ямных, довольно неустойчива. Среди основных погребений зафиксировано, например, три случая ориентирования на северо-запад и по одному на север, юг, юго-восток и юг-юго-запад. Во впускных захоронениях ориентировки ещё более разнообразны, однако, и здесь отмечено преобладание западного и северо-западного направлений. Наиболее наглядно всё это отражено в крупных курганных могильниках у Приморского и Вишнёвого (рис. 7, 1): погребённые в южной четверти насыпи ориентированы в целом с отклонениями на запад, в западном — на север, в северном — на восток, в восточном — на юг. Отмеченное указывает на прямую связь ориентировок катакомб и погребённых с круговой планировкой погребений, при которой ведущим было ориентирование по ходу часовой стрелки.

Противоположное ориентирование отмечается исключительно редко и связывается, не считая случаев антитезы в коллективных захоронениях, с немногочисленными погребёнными, находившимися в наибольшей скорченности по сравнению с остальными в данном конкретном кургане.

Например: скорченное на боку погребение 1/15 у с. Гура-Быкулуй — единственное катакомбное впускное при вытянутом катакомбном основном; скорченное на боку погребение 11 (в одной из двухкамерных катакомб) — единственное скорченное из шести погребённых в кургане 5 у с. Гура-Быкулуй; два скорченных на боку погребения (11 и 31) — из 24 погребений кургана 17 у с. Вишнёвое (рис. 7, 1): два скорченных на спине (11 и 15) против трёх вытянутых в кургане 1 у Тараклии.

В целом, ориентировка погребённых в южной половине насыпи точно та же, что и у большинства основных, т.е. северо-западная. В связи с этим вполне допустимо, что именно южный сектор и был определяющим при выборе места для начала формирования очередного катакомбного кладбища. Судя же по тому, что следующими по убывающей насыщенности погребениями являлись восточный, затем северный сектора курганов, а северо-западный их склон вообще использовался под захоронения редко, можно предполагать, что дальнейшие захоронения делались в последовательности против часовой стрелки. Погребённых при этом размещали в могилах головой в сторону предыдущего погребения.

Выявленные в курганах погребения были традиционно одиночными, однако встречаются и парные (Курчи, 20/21; Траповка, 4/14 и 13/3; Ефимовка, 2/3; Вишнёвое, 17/48 и 57/3 и др.), и тройные захоронения (Новые Раскаецы, 1/8;

Урсоая, 3/11; Каменка, 3/5), и даже склепы с четырьмя погребёнными (Лиман, 3А/31). В ряде коллективных захоронений отмечено, что они не всегда были одновременными, а возникли чаще в результате последующих подзахоронений. Например, в погребении 4/14 у Траповки подзахороненный детский костяк лежал поверх специальной земляной засыпки, покрывавшей ранее похороненного здесь взрослого. В погребении же 3А/31 у с. Лиман останки уже разжившихся покойников были сдвинуты к дальней от входа стенки камеры, а на их место последовательно были подзахоронены взрослый и ребёнок. Как правило, погребённых помещали в камере так, чтобы голова их находилась слева от входа. В коллективных захоронениях встречаются случаи размещений покойных в позиции антитезы (Вишнёвое, 17/48; Урсоая, 3/11; Новые Раскаецы, 1/8; Каменка, 3/4).

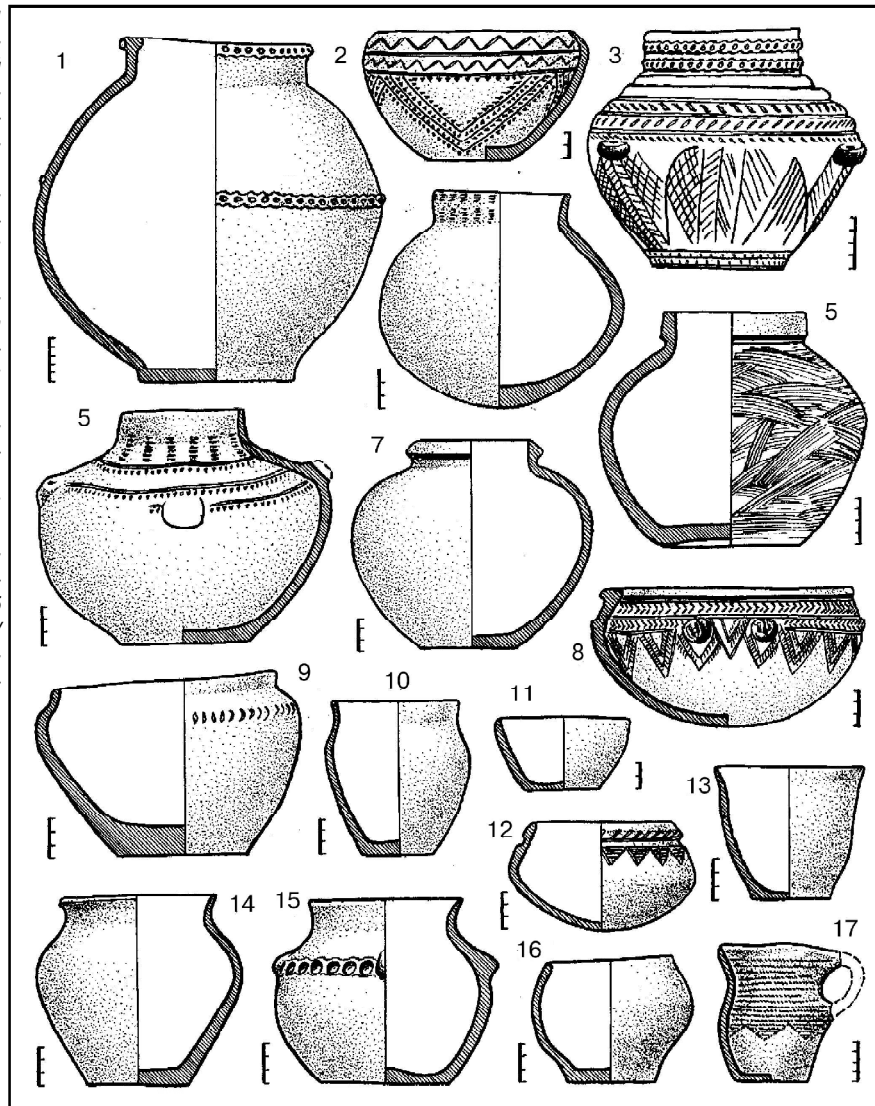
В положении погребённых доминировала ситуация, когда голова, а часто всё тело, были повернуты в сторону входа в камеру, либо в том же направлении сгибались руки и/или ноги. Но нередко случаи противоположного плана — от входа (рис. 9, 3, 5, 6), а при вытянутости на спине погребённый нередко лежал лицом вверх (рис. 9, 2).

В целом, погребённых по обряду труположения можно разделить по их позициям на следующие основные группы.

1. Вытянутые на спине. При такой общей позиции наблюдается 5 вариантов: А — ноги и руки вытянуты ровно (рис. 8, 3; 9, 3); иногда одна рука положена кистью на таз (Новые Раскаецы, 1/8), согнута кистью к плечу (Вишнёвое, 17/54), либо вытянута под небольшим углом в сторону (Траповка, 10/7); Б — ноги ровно вытянуты — руки со сгибом в одну сторону (рис. 8, 4; 9, 4); В — ноги вытянуты ровно либо с перекрещиванием в голених или щиколотках — руки положены кистями на бедра (Вишнёвое, 17/48); Г — ноги согнуты в коленях и разведены в стороны либо одна согнута с отводом в сторону, а другая ровно вытянута — обе руки ровно либо со сгибом в локте разведены в стороны, либо одна в таком же положении, а вторая уложена на грудь или живот (рис. 9, 2); Д — ноги уложены со сгибом в одну сторону — руки лежат вдоль тела, иногда одна, противоположная повороту нога, положена кистью на бедро (Пуркары, 1/35).

2. Вытянутые на спине с поворотом набок. Здесь также наблюдаются варианты: А — ноги вытянуты под углом к телу, иногда со сгибом — руки согнуты в ту же сторону либо одна с таким сгибом, а другая вытянута с некоторым отводом в ту же сторону (рис. 7, 2; 9, 5-7); Б — ноги уложены со сгибом в одну сторону, иногда с перекрещиванием — руки в позициях варианта «А» (рис. 9, 1); В — одна нога вытянута, а другая согнута в колене, — одна рука вытянута кистью к согнутой ноге, а другая согнута и положена кистью на таз или живот, либо лежит вдоль тела (Хаджидер I, Костюкова могила, погребение 15).

Рис. 10. Катакомбная культура. Образцы керамической посуды: 1 — Семёновка, 9/1; 2 — Хаджидер I, Костюкова могила, п.20; 3 — Баштановка, 4/20; 4 — Хаджидер III, 13/3; 5 — Вишнёвое, 17/16; 6 — Хаджидер I, Костюкова могила, п.15; 7 — Сергеевка, 1/18; 11 — Траповка, 10/1; 9 — Вишнёвое, 17/15; 10 — Траповка, 1/18; 11 — Траповка, 10/1; 12 — Вишнёвое, 17/53; 13 — Траповка, 1/13; 14 — Дивизия II, 5/4; 15 — Сергеевка, 1/12; 16 — Вишнёвое, 17/22; 17 — Великодолинское, 2/5.

3. Скорченные на боку. Встречаются редко. Ноги погребённых обычно поджаты под прямым или тупым углом, а руки вытянуты к коленям (Каменка, 3/4), согнуты по направлению скорченности (рис. 8, 1), либо одна рука с таким сгибом уложена на таз, а другая вытянута перед телом в сторону согнутых ног (рис. 7, 4).

4. Скорченные на спине. Встречаются редко. Ноги, ранее поджатые коленями вверх, фиксируются при раскопках упавшими набок; руки либо вытянуты вдоль тела с небольшим сгибом, кистями к бёдрам (Тараклия, 1/15), либо одна вытянута вдоль тела ровно, а другая, противоположная направлению падения ног, положена кистью на крыло таза (Пушкары, 1/34).

Уникальным является захоронение в колодце с очень сильной скорченностью на боку. При которой ноги были поджаты к животу, а руки поднесены кистями к лицу (рис. 8, 3). Возможно катакомбным является и подобное захоронение 3/2 могильника Дивизия II, совершённое на дне колодца, примыкавшего к катакомбе погребения

3/4. Добавим, что входной колодец использовался под захоронение и в погребении 10/7 у с. Траповка. Однако, там скорее всего, мы сталкиваемся с расчленённым перезахоронением (рис. 7, 3).

Помимо отмеченного расчленённого захоронения (перезахоронения) встречены ещё в трёх курганах, располагавшихся к востоку от оз. Сасык. Здесь остатки скелетов лежали в катакомбах с имитацией слабой скорченности на боку (Дивизия II, 4/1) или в виде компактных пакетов — «кукол» (Траповка, 6/11; Лиман, 2/4).

Причины отмеченного широкого разнообразия в позициях ещё ждут своего объяснения. Пока же можно только констатировать, что даже в склепах соплеменников хоронили в позициях, относящихся к различным вариантам. Например, сочетание вариантов 1А, 1Б и 1Г наблюдается в тройном погребении 3/11 у с. Урсоая, 1А и 2А — в тройном погребении 1/8 у с. Новые Раскаецы, 1Ви 2А — в парном погребении 17/48 у с. Вишнёвое, 2Б и 3 — в парном погребении 20/21

могильника Курчи, 2В и 3 — в тройном погребении у с. Каменка, и т.п.

Более трети катакомбных погребений в Северо-Западном Причерноморье сопровождались различным инвентарём, основное количество которого представлено лепной посудой (Тощев 1981: 65, рис. 1; 67, рис. 2; Дергачёв 1983: 148, рис. 7; 1986: 102, рис. 23; Черняков, Тощев 1985: 22, рис. 4). Всю её можно условно разделить на 6 основных типов: амфоры, миски, горшки, чаши, кубки и кувшины. Практически для всех типов посуды характерны приземистость пропорций. Украшение поверхности орнаментом, нередко довольно пышным, покрытие нерасчерченных стенок расчёсами, нанесёнными пучком травы (рис. 10, 5).

Амфоры в основном однообразны: реповидно-округлобокие с цилиндрической шейкой, двумя либо четырьмя (чаще) ушками на плечиках и плоским, довольно широким дном (рис. 10, 3, 6, 15). Особо выделяется лишь амфора, найденная в нише колодца погребения 1/18 у с. Траповка. Она имеет высокие пропорции и вертикальные ручки с горизонтальными отверстиями (Тощев 1981: 67, рис. 2, 2). К этому типу сосудов примыкает и округлодонная сплошь орнаментированная амфорка с четырьмя ручками, найденная в погребении 13/2 у Оланешт (Яровой 1990: 195, рис. 87, 3).

Горшки — наиболее массовый тип посуды, имеющий целый ряд вариантов. Обобщённо среди горшков можно отметить следующие виды: округлобокие сосуды с реповидным, в основном, корпусом, типичным для амфор, но обычно с расширяющейся сверху шейкой либо подтреугольно выступающим венчиком и различной моделировкой дна — плитчатое, выпуклое вовнутрь, вогнутое, яйцевидно округлённое (рис. 10, 4, 5, 7); приземистые широко открытые горшки с невысоким, иногда чуть отогнутым горлом, выпуклыми плечиками и почти конически сужающимся к плоскому дну корпусом (рис. 10, 9); подобные им высокие горшки стройных пропорций с биконически сформированным туловом (рис. 10, 10, 14). Изредка встречаются и горшки, напоминающие по форме прямые банки (Дергачёв 1986: 102, рис. 23, 15).

Наиболее распространёнными были горшки и амфоры высотой 15-20 см и горшочки высотой 10-12 см. Самым крупным из всех катакомбных сосудов Северо-Западного Причерноморья является горшок, найденный в погребении 9/1 у с. Семёновка. Этот сосуд имеет шаровидное тулово, низкое цилиндрическое горло с двусторонне выступающим площадочным венчиком и подцилиндрически выделенное плитчатое дно (рис. 10, 1).

Миски формировались, как правило, приземистыми с туловом напоминающим полусферу, с округлым либо чуть уплощённым дном. Диаметр устья обычно равен 20-25 см, а иногда почти вдвое меньшая. Часто на боку таких сосудов имеется один либо смежная пара катушко-

видных налепов (рис. 10, 8). Такие налепы известны и со сквозным отверстием (Пушкары, 1/3; Урсоая, 3/11), они относятся к мисковидным сосудам, диаметром 18, 6-22,5 см, глубиной около 14 см, считающимся «молочниками» (Чеботаренко и др. 1989: 122-123; Яровой 1990: 45-47). Кроме того, среди мисок встречаются и более глубокие, имеющие конические и биконические формы (Дергачёв 1986: 102, рис. 23, 4, 16).

Чаши обычно конические (рис. 10, 11) либо полусферические (рис. 10, 12), напоминающие своей формой подобные миски (которые нередко тоже относят к чашам), но диаметр их значительно меньший — 10-13 см.

Кубковидной посуды немного. К ней можно отнести высокие подконические и выпуклобокие сосудики с зауженной ножкой (рис. 10, 13, 16) и приземистые биконические экземпляры с высокой подцилиндрической шейкой (Черняков и др. 1986: 69, рис. 7, 14).

Довольно редки среди керамики и кувшины. Они делались либо с чуть расширяющейся сверху широкой шейкой и одной петельчатой ручкой (рис. 10, 17), либо с узкой цилиндрической шейкой и без ручки (Дергачёв 1986: 102, рис. 23, 7, 8; Шмаглий, Черняков 1985: 106, рис. 4.3; Тощев 1992: 44, рис. 13, 4).

Орнаментирование сосудов производилось разными линиями, насечками, оттисками первитого шнура, наколами либо вдавлениями торцом трубчатой кости или полый тростинки и т.п. Узоры наносились как в виде сочитаний их с более сложными геометрическими фигурами, образующими горизонтальные поясные композиции из прямых, зигзагообразных либо волнистых линий, опущенных вниз вершиной треугольников и полукругов. Чаще всего орнаментировалась только верхняя часть сосудов либо их бок, но иногда украшалась и вся поверхность (рис. 10), включая даже дно (Бейлекчи 1993: 77, рис. 10, 3).

Помимо посуды, из керамических поделок известны биконические пряслице (Оболдуева 1955: 42, рис. 7, 6), колечко (рис. 11, 31) и шарик диаметром около 2 см, найденный в погребении 1/3 у с. Лиман. Последний аналогичен таким шарикам, происходящим из ямного погребения 32 кургана Костюкова могила (Хаджидер I).

Определённая часть посуды вырезалась катакомбными мастерами из дерева. В Одесской обл. развалы таких сосудов найдены в четырёх пунктах: Маяки-82, 1/12; Дивизия II, 5/4; Траповка, 6/13; Фрикацей, 4/25 (Субботин 1994: 69, рис. 1, 5; 71-72). Судя по остаткам этих сосудов, они представляли собой полусферические миски, диаметром до 28 см, с плоским дном, диаметром 15-17 см. Фрикацейский сосуд выделяется тем, что скреплялся бронзовыми заклёпками, а дивизийский — резным орнаментом в виде цветка, рельефно выраженного на дне миски. Деревянный сосуд прямоугольной фор-

мы (или шкатулка) находился у головы погребённого в захоронении 28 кургана Костюкова могила (Хаджидер I). Из деревянных изделий следует отметить ещё плоский полукруглый футляр, в котором лежали две костяные иглы, и лук, длиной более 1м, найденные в погребении 14/16 у с. Семеновка. Возможно, остатки лука отмечены и в погребении 6/5 могильника Хаджидер I (Субботин 1994: 67)..

Помимо отмеченных материалов, для изгото-

вления различных предметов использовались кремь, камень, бронза, кость и ракушки. Большинство кремнёвых находок представлено не ретушированными пластинками и аморфными отщепами, однако, встречаются и аккуратно отретушированные изделия. Среди последних особенно распространёнными являются наконечники стрел подтреугольной формы с выемкой в основании (рис.11, 23-25) либо без таковой (рис. 11, 33). Орудия труда представлены,

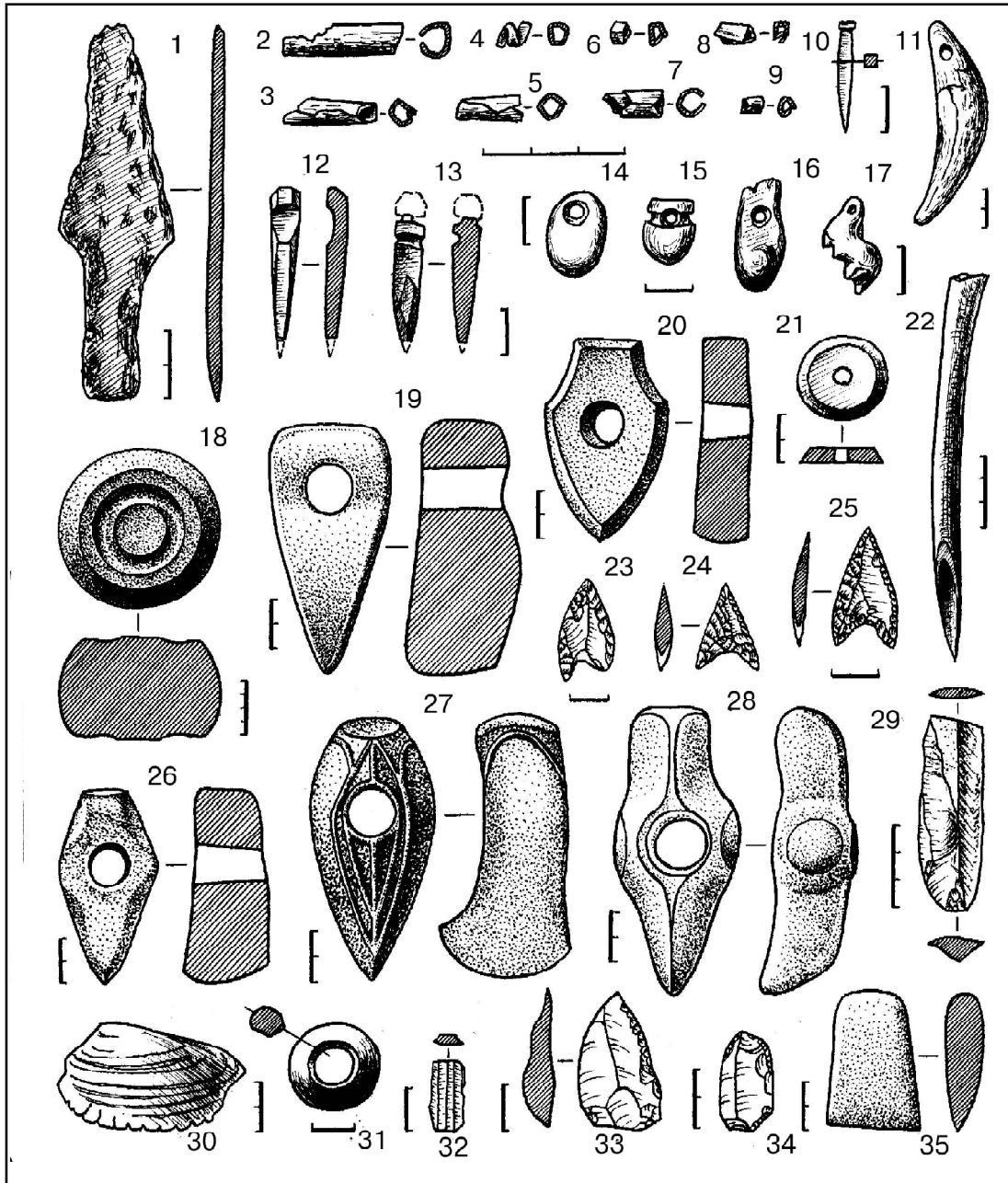

Рис. 11. Катакомбная культура. Материалы из погребений: 1,27 — Тирасполь, п. Ук.3; 2-9 — Вишнёвое, 17/48; 10,30 — Лиман, 3А/55; 11,23 — Дивизия II, 5/4; 12,13,24,25,33 — Семёновка, 14/16; 14 — Хаджидер III, 13/3; 15 — Урсоая, 3/11; 16 — Лиман, 3А/54; 17 — Лиман,2/4; 18 — Траповка, 4/14; 19 — Приморское, 1/14; 20 — Надлиманское, 9/20; 21 — Ефимовка, 3/6; 22 — Вишнёвое, 17/15; 26 — Хаджидер I, Костюкова могила, п.6; 28 — Холмское, 2/24; 29 — Вишнёвое, 17/16; 31 — Вишнёвое, 17/45; 32 — Вишнёвое, 17/25; 34 — Хаджидер I, Костюкова могила, п.13; 35 — Тараклия II, 1/11 (1-10 — бронза; 11-17,21,22 — кость; 18-20,26-28,35 — камень; 23-25,29,32-34 — кремь; 30 — раковина, 31 — керамика).

в основном, пластинчатыми вкладышами, ножами, кинжалами (Яровой 1990: 85) и скребками (рис. 11, 29,32,34).

Судя по находке в погребении 1/3 у с. Сергеевка, местное население пользовалось и кремнёвыми клиновидными топорами, вероятно, импортировавшимися из ареала среднеднепровской культуры (Дзиговський, Суботін 1997: 172, рис. 24-6; 188).

Самыми массовыми из каменных изделий были сверлёные топоры различных конфигураций и оформлений, иногда довольно художественных (рис. 11, 19,20,26-28). Всего таких изделий, очевидно, служивших в качестве скипетров, найдено более 30 (Агульников 1999: 131). Из камня делались также тесла (рис. 11, 35), выпрямители древков, округлые булавы (Дергачёв 1983: 143, рис. 6,14,15), различные наковаленки (Дергачёв 1986: 105-106), зернотёрки и растиральники. Причём один из них, базальтовый, служил для растирания медной руды (рис.11, 18).

Изделия из бронзы представлены преимущественно трубчатыми пронизками (рис. 11, 2-9), использовавшимися в качестве бус, подвесок либо составных наручных браслетов. Остальные бронзовые находки единичны. Это — шилья (Яровой 1990: 85), иглы (рис. 11, 10), ножи (рис. 11,1), круглая бляха (Тошев 1981: 69) и браслет (Дергачёв 1983: 145).

Довольно часто в погребениях встречаются астрагалы. Из кости делались круглые застёжки (рис. 11,21), иглы проколки (рис. 11, 12,13) и кинжаловидные острия (рис. 11, 22). Широко распространёнными были различные украшения и амулеты из просверленных зубов оленя, клыков и зубов хищных животных (рис. 11, 11,14-17). Из клыков дикого кабана делались скребки-лощила: и скобели, экземпляры которых найдены в погребениях 1/12 у с. Новые Раскаецы и 8/11 у с. Никольское. (Яровой 1990:18, рис.6,2; Агульников 1999: 124, рис. 4,9).

Среди погребального инвентаря ряда погребений встречены отдельные створки речных и морских ракушек, причём три из таковых, найденные в погребении 55 кургану 3А у с. Лиман, были оформлены в зубчатые орнаменты-штампы (рис. 11,30).

Наблюдения за всеми артефактами показывают, что катакомбные памятники Северо-Западного Причерноморья в основном связываются с выделенной О.Г.Шапошниковой в Побужье ингульской катакомбной культурой, относящейся преимущественно к позднему этапу развития катакомбной культурно-исторической области (Братченко, Шапошникова 1985: 415-417). Как и в бассейне низовьев Южного Буга и Днепра, здесь, помимо преобладания общекатакомбных элементов, просматривается влияние смежных культур шнуровой керамики (прежде всего среднеднепровской) и поздней ямной.

Наиболее ранние из в целом позднеката-

комбных погребений (например, 9/1 у с. Семёновка; 3/5 у с. Каменка) характеризуются подпрямоугольными колодцами, скорченностью костяков, бронзовым ножом и посудой маньчского типа. Для преобладающих погребений более позднего периода типичны овальность катакомб, цилиндричность входных колодцев, вытянутость костяков, заимствование ряда форм посуды (амфор, горшков, чаш, одноручных кувшинов) у ямных племён буджакской группы, широкое использование импортных изделий. Например, некоторые топоры-молоты, очевидно, происходят из культур шнуровой керамики, ряд сосудов, найденных в катакомбах (Холмское, 2/14; 22; Вишнёвое, 17/31), и, возможно, трубчатые бронзовые пронизки и украшения из зубов животных поступили к катакомбному населению от ямного. Отмеченное, как и прослеживающиеся факты влияния катакомбной культуры на ямную (Субботин 1990: 51-53), свидетельствуют об определённой параллельности этих культур. Существование их, по мнению исследователей, носило довольно напряжённый характер. В качестве подтверждения этому приводятся факты находок кремнёвых наконечников стрел в грудной части некоторых ямных костяков: Семенова, 14/24 (Субботин 1985: 55); Корпач, 3/1 (Яровой 1984: 58); Капланы, 1/3 (Агульников 1984: 91). Однако, вполне допустимо, что лучниками могли быть здесь и враждовавшие между собой представители разных ямных племён. Во всяком случае, кремнёвые стрелы в ямных погребениях количественно преобладали: 34 экземпляра против 9 наконечников в катакомбах (Субботин 1993а: 21)..

О том, что параллельность развития двух культур приходится на финальный этап существования дикой культуры, говорит как характер материального взаимовлияния, так и известные случаи прямой стратиграфии, фиксирующей взаимоперерезания ямных и катакомбных погребений. В основном перерезанию подвергались ямные могилы. Естественно, такая ситуация могла возникнуть лишь тогда, когда опознавательные знаки над ямными могилами уже исчезли. В целом же отмеченная стратиграфия справедливо отражает последовательность смены культур. Обратная стратиграфия отмечена в кургане 4 у Рошкан, где ямное погребение 14 перерезало камеру катакомбного погребения 18 (Дергачёв 1986: 108, рис. 25,12). К подобной ситуации В.А.Дергачёв относит ещё два случая, наблюдавшиеся у с. Вишнёвое и с. Старые Беляры (Дергачёв 1986, 109). Однако, погребения, приводимые в качестве ямных, относятся к культуре многоваликовой керамики, что вместе с вышеприведёнными примерами прямой стратиграфии лишь наглядно отражает относительную последовательность смен трёх культур и, соответственно условное место ямной культуры между ямной и многоваликовой.

На основании широких аналогий возраст

катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья определяется в пределах от середины XVIII в. по XVI в. до н.э., что в принципе соответствует позднему этапу катакомбной культурно-исторической области в целом (Братченко, Шапошникова 1985: 148). Существование здесь катакомбного населения в XVI в. до н.э. подтверждается и единственной для рассматриваемого региона абсолютной датой, полученной для катакомбного погребения 12 кургана 1, раскопанного у с. Маяки Беяевского р-на Одесской обл. в 1982 г.: 1640±50 лет до н.э. (Ле-2331)².

В заключение можно констатировать, что основные признаки местных памятников наиболее типичны для ингульской культуры и, в мень-

шей мере, для донецкой культуры катакомбной культурно-исторической области. Естественно, более чем столетние контакты катакомбных племён Буго-Дунайского междуречья с позднейшими племенами буджакской группы не могли не повлиять на сложение некоторого культурного своеобразия первых. Определённая специфичность видна и в их ритуалах, и, особенно, в материальной культуре. Однако, в целом, рассматриваемые катакомбные комплексы не выделяются из всего позднекатакомбного горизонта северо-причерноморских степей настолько, чтобы рассматривать их в качестве особой «одесской» группы, как это делает Г.Н.Тоцев (1991: 109).

Культура многоваликовой керамики

Открытие первых памятников культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье относится к концу XIX в., когда Ф.И.Кнауэр, раскапывая курганы у с. Сарата, впервые выявил скорченные погребения с округлыми костяными пряжками (Кнауэр 1889: 39-49). В 1912-1913 гг. подобные погребения были раскопаны в Одесском кургане на Слободке-Романовке (Тоцев 1984: 181). С XIX — началом XX вв. связано и открытие кладов крупных металлических изделий, относящихся ныне к рассматриваемой культуре: в 1856 г. был случайно открыт клад у с. Кobleво (Черняков 1967: 29-31, рис. 4,5), в 1912 г. был найден клад металлических и каменных предметов у с. Бородино (Березанская и др. 1986: 12), а в 1915 г. — клад бронзовых предметов у с. Рыбальское (ранее — Аджияск) недалеко от Одессы (Кривцова-Гракова 1955: 146-147, рис. 35,12-14).

На протяжении последующих 50 лет памятники культуры многоваликовой керамики (далее КМК) в Северо-Западном Причерноморье встречались спорадически. Так, в 1931 г. материалы КМК были выявлены при раскопках многослойного поселения Кременчук на Южном Буге (Черняков 1985: 21-22), в 1938-40 гг. погребения этой культуры обнаружены в Киселовском кургане на окраине Одессы (Черняков 1978), а в начале 60-х годов на правом берегу Нижнего Днестра в кургане 2 у с. Олонешты (Мелюкова 1962). Массовое же открытие памятников КМК на юге Одесской области и Молдовы приходится на вторую половину 60-х — 80-е годы, когда здесь велись широкие раскопочные работы в зонах мелиоративного строительства (Савва 1992: 5-7).

Следует отметить, что первоначально все указанные памятники обычно относились исследователями к срубной культуре. И даже после установления С.С. Березанской полной само-

стоятельности культуры многоваликовой керамики (Березанская 1960; 1962) эти памятники продолжали считаться срубными до 70-х гг. (Шмаглей, Черняков 1970: 108-110; Субботин и др. 1970: 142).

Глубокий анализ источников и различных точек зрения на происхождение, формирование и развитие КМК, проведённый Е.Н. Саввой, показывает, что сложение и ранний этап культуры связан, в основном, с лесостепной зоной Днестро-Донского междуречья. Вытесняемая оттуда срубной культурой, КМК распространяется затем в степную зону Северного Причерноморья от Прикубанья на востоке до Подунавья на западе (Савва 1992: 150-158).

В основном культура многоваликовой керамики датируется в рамках второй половины XVII-XV вв. до н.э. (Братченко 1985: 457). С.С. Березанская, разделив культуру многоваликовой керамики на 4 локальных варианта, устанавливает для них различные хронологические пределы, с учётом которых нижний и верхний рубежи всей культуры соответствуют XVII — началу XV вв. (Березанская и др. 1986: 7—31). Для юго-западного варианта (по Березанской), связывающегося с рассматриваемой нами территорией и Буго-Днестровским степным междуречьем, абсолютная датировка определяется либо от конца XVII до конца XIV вв. до н.э. (Дергачёв 1986: 145), либо XVII — рубежом XV-XIV вв. до н.э. (Савва 1992: 175). Известные здесь к настоящему времени памятники КМК представлены поселениями, кладами вещей, курганными и бескурганными погребениями. Однако, несмотря на такое разнообразие, эти археологические объекты количественно и информативно неравнозначны, а потому и разнятся своим вкладом в комплексную характеристику КМК рассматриваемого региона.

В отличие от довольно большого количества поселений КМК, известных в Нижнем Поднепровье, в степной зоне Северо-Западного Причерноморья и в пограничье её с лесостепью число их незначительно (рис.12), да и те извест-

² Н.А. Чмыхов и И.Т. Черняков ошибочно отнесли это продатированное погребение к ямным, буджакским, из-за чего подняли верхний рубеж последних в целом минимум на столетие (Чмыхов, Черняков 1988: 97).

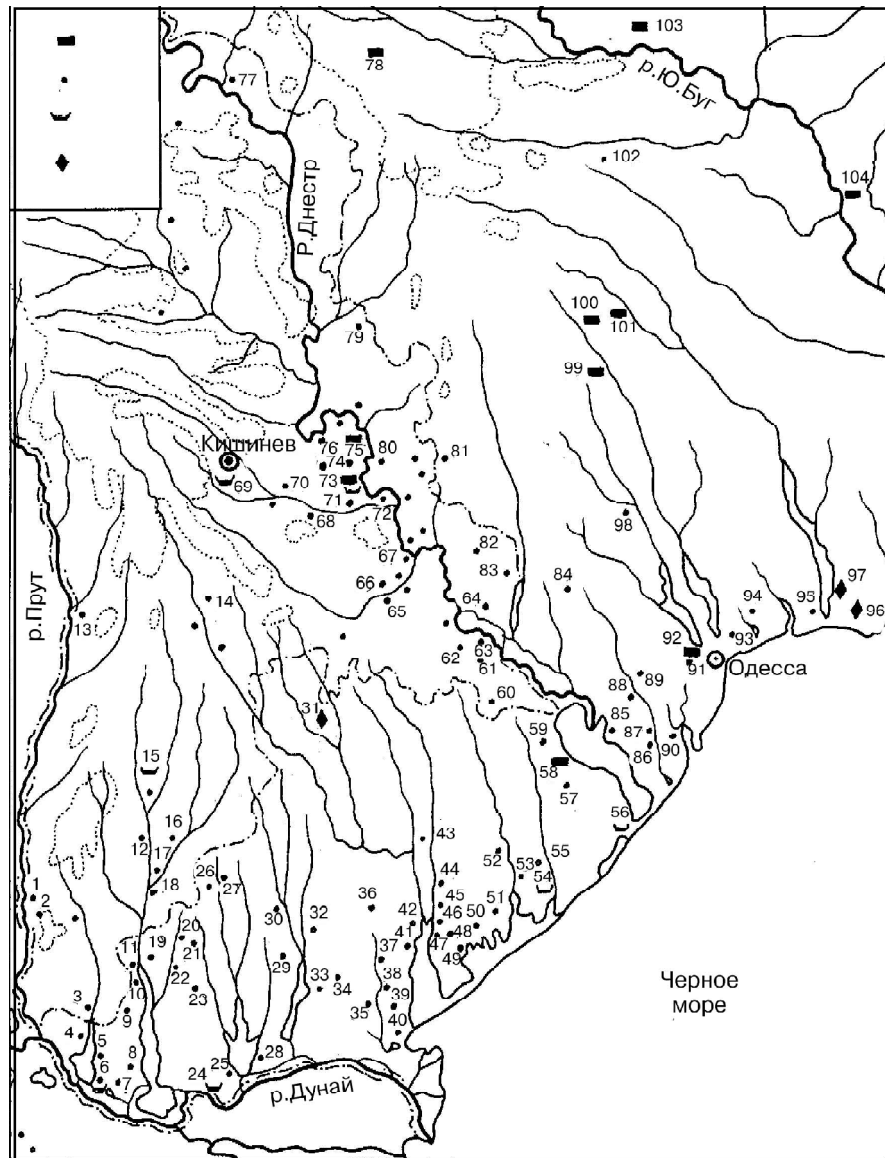

Рис. 12. Карта памятников культуры многоваликовой керамики (I — поселения, II — курганные памятники, III — бескурганные памятники, IV — клады):

- 1 — Манта, 2 — Ваду-луй-Исак, 3 — Етулия II, 4 — Фрикацей, 5 — Нагорное, 6 — Орловка, 7 — Градешка, 8 — Плавни, 9 — Владычень, 10 — Мрснота Могила, 11 — Курчи, 12 — Балабаны, 13 — Токиле-Рэдукань, 14 — Градиште, 15 — Башалма, 16 — Казаклия, 17 — Тараклия, 18 — Копчак, 19 — Болград, 20 — Кубей, 21 — Кальчево, 22 — Жовтневое, 23 — Каланчак, 24 — Измаил, 25 — Богатое, 26 — Огородное-80 (III), 27 — Огородное I, II, 28 — Кислица, 29 — Дзинилор, 30 — Островное, 31 — Бородино, 32 — Холмское, 33 — Червоный Яр, 34 — Помазаны, 35 — Мирное (Килийский р-н), 36 — Виноградовка, 37 — Струмок, 38 — Нерушай, 39 — Десантное, 40 — Приморское, 41 — Глубокое, 42 — Борисовка, 43 — Сарата (Павловка), 44 — Белолесье, 45 — Заречное, 46 — Новоселица, 47 — Траповка, 48 — Вишнёвое, 49 — Рыбальское, 50 — Кочковатое, 51 — Жёлтый Яр, 52 — Сергеевка, 53 — Дивизия II, 54 — Бикир (Тузлы), 55 — Алкалия (Широкое), 56 — Беленькое (Шабалат), 57 — Турлаки, 58 — Пивденное, 59 — Семёновка, 60 — Капланы, 61 — Оланешты, 62 — Пуркары, 63 — Новые Раскаецы, 64 — Глиное, 65 — Каушаны, 66 — Урсоая, 67 — Хаджимус, 68 — Новые Анены, 69 — Данчены, 70 — Мерены, 71 — Рошканы, 72 — Гура-Быкулуй, 73 — Калфа, 74 — Спея, 75 — Делакеу, 76 — Коржово, 77 — Каменка, 78 — Червоная Гребля, 79 — Васильевка (Дубоссарский р-н), 80 — Буторы, 81 — Плоское, 82 — Никольское, 83 — Ново-Котовск, 84 — Щербанка, 85 — Ефимовка, Николаевка, 86 — Дальник, 87 — Доброалександровка, 88 — Петродолинское, 89 — Мирное (Беляевский р-н), 90 — Великодолинское, 91 — Слободка-Романовка (Одесса), 92 — Усатово-Большой Куяльник, 93 — Киселово, 94 — Большой Аджалык (Свердлов), 95 — Кошары, 96 — Коблево, 97 — Рыбаковка, 98 — Катаржино (Червонознаменка), 99 — Осиньковка, 100 — Сухая Журовка, 101 — Викторовка III, 102 — Агеевка, 103 — Матвеевка, 104 — Кременчук.

ны в основном по разведочным данным (Викторовка III, Делакеу, Осиновка, Пивденное, Сухая Журовка), так что судить о какой-либо их планировке, об их характере (длительное или сезонное обитание) и жилищно-хозяйственных комплексах невозможно. Лишь на многослойном поселении Усатово-Большой Куяльник зафиксированы остатки наземных каменных построек, связывающихся с КМК, да на поселении Кременчук, помимо подобного сооружения в виде каменной вымостки, размером 3,4x4 м, к КМК относят круглую хозяйственную яму и защитные валы (Черняков 1985: 21-24).

Как и во всём ареале культуры, численно ведущими памятниками рассматриваемого региона являются захоронения в курганах. Вместе с тем, ряд могильников Буджакской степи относится исследователями к бескурганым (Тоцев 1982: 13; Черняков 1985: 130). В наиболее крупных из них выявлено от 7 (Данчены) до 14 (Калфа) погребений (Савва 1992: 180), остальные же 5 пунктов, причисляемых к таким могильникам, представлены лишь отдельными грунтовыми захоронениями (Беленькое, Бешалма, Бикир, Измаил, Орловка). Учитывая обычное нахождение таких погребений на возвышенных участках и обнаружение на Данченском могильнике погребений не только КМК, но и ямных, и катакомбных, Е.Н. Савва высказывает сомнения о бескурганном происхождении данных памятников, предполагая, что существовавшая, возможно, над ним насыпь, просто ко времени раскопок не сохранилась (Савва 1992: 64).

Лучше всего культура многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье отражена в курганных памятниках. По данным на 1992 г., исследователи относят к ним более 570 погребальных комплексов из 252 курганов, раскопанных у 107 населённых пунктов (рис. 12). За основу установления такой численности курганных памятников КМК принят опубликованный Е.Н. Саввой свод погребальных комплексов данной культуры (Савва 1992: 179-189), из которых исключены курганные памятники Румынии, Северной Молдовы и все грунтовые могильники, но приплюсован ряд памятников, не вошедших в свод. Это — впускные погребения Одесского (Слободка-Романовка) кургана, курганов у с. Кошары (раскопки 1955 г.), Дивизия II (1986), Хаджидер III (1988 г.), у сёл Свердлово (Большой Аджалык) и Агеевка (раскопки 1988 г.), курганов у с. Катаржино, Червонознаменка (1991 г.), Манта и Гаваноаса (1991-1992).

Необходимо отметить, что достоверность отнесения значительной части памятников указанного свода (как и дополнительных) к культуре многоваликовой керамики находится под вопросом. Главной причиной тому является большое сходство многих обрядовых черт КМК и ряда других культур (ямной, катакомбной и, соответственно, сабашиновской), что при преобладающей безынвентарности погребений суще-

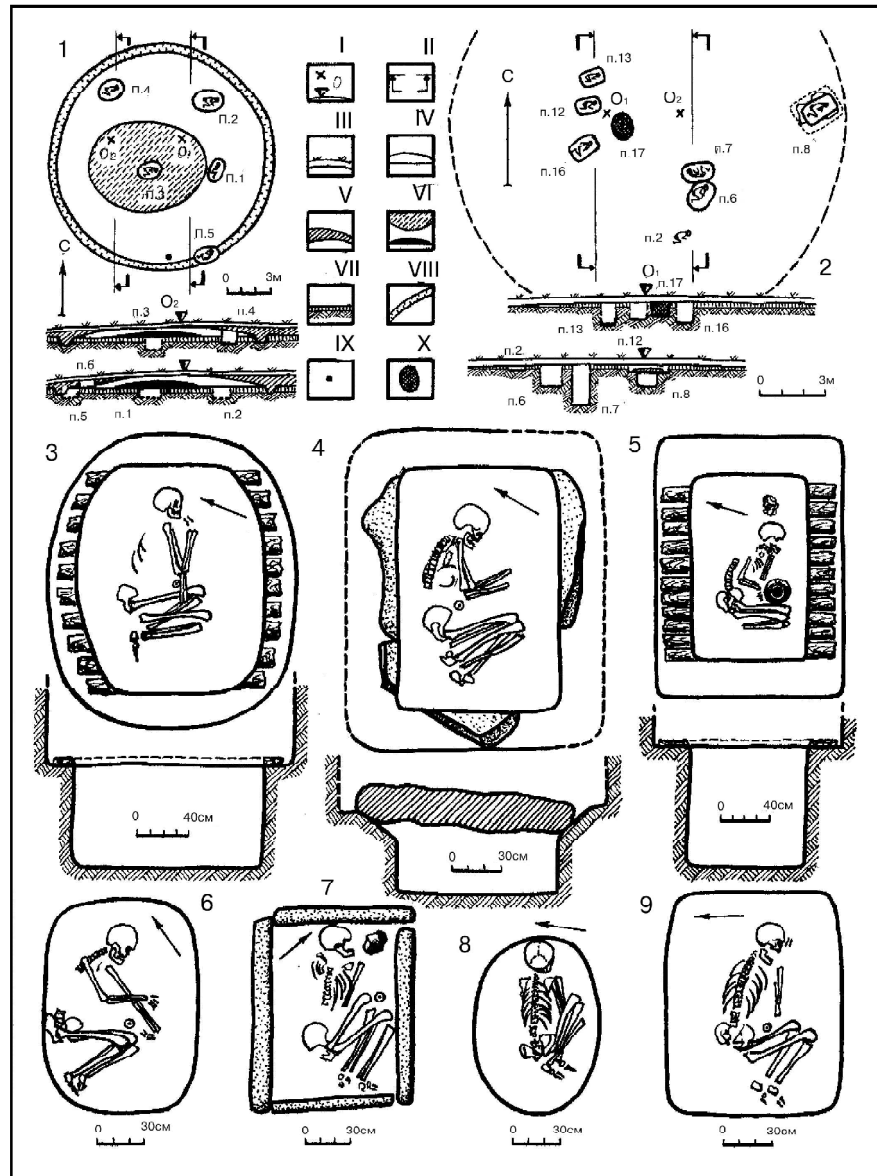
ственно осложняет их атрибуцию и, соответственно, дифференциацию. Тем не менее, учитывая результаты большой аналитической работы по выделению погребальных комплексов КМК из общей массы погребений бронзового века, проведённой В.А. Дергачёвым (1986: 122-127) и, особенно Е.Н. Саввой (1992: 14 и след.), с опорой на памятники с чётко выраженными специфическими признаками, всесторонняя характеристика КМК рассматриваемого региона может быть достаточно реалистичной.

Под курганные кладбища носители КМК чаще всего использовали уже существовавшие к тому времени насыпи усатовской и ямной культур. Собственные же курганы они возводили довольно редко. Эти курганы, как правило, одиночно входили в состав ранее образованных курганных групп. В степной зоне Северо-Западного Причерноморья курганов с основными погребениями КМК известно лишь 21: Балабанешты II, к.1; Балабаны II, к.5,6, и 7; Градешка I, к.3 и 4; Градешка II, к.2; Жовтневое, к.2; Казаклия-84, к.6; Киселово, к.1; Манта, к. I; Никольское, к.7; Новые Анены, к.6; Огородное II, к.8; Оланешты I, к.2; Орловка-74, к.1; Петрешть, к.2; Плавни, к.24; Семёновка, к.20; Спея, к.6; Тараклия II-83, к.11. В некоторых из этих курганов отмечено по два строительных горизонта: например, досыпки над впускными захоронениями КМК имелись в кургане 6 могильника Балабаны II и в кургане 6 у с. Спея (Савва 1992: 88,93). В кургане 3 могильника Градешка I вокруг основного погребения 3 зафиксирован кольцевой ров, диаметром 14,4-15,5 м, глубиной до 0,7 м (рис. 13, 1). Высота большинства насыпей КМК около 1 м, однако известны и едва возвышавшиеся курганы (курган 2 у с. Жовтневое имел высоту 0,15 м, диаметр 16 м), и довольно крупные (курган 1 у с. Киселово был высотой 2,5 м, диаметром 54 м).

Под насыпями семи отмеченных курганов находилось лишь по одному основному захоронению, на остальные же 14 курганов приходится, помимо основных, ещё и 64 впускных захоронения рассматриваемой культуры. При этом в ряде из них отмечено и вообще наибольшее число погребений КМК, приходящихся на одну конкретную насыпь: в кургане 1 могильника Балабанешты II насчитывалось 13 таких погребений, в кургане у с. Орловка (раскопки 1974 г.) — 11. Отметим ещё 9 погребений в кургане 1 у с. Киселово и 7 в кургане 6 у с. Спея.

В целом же, почти 90% всех впускных погребений связано с более древними насыпями. Причём и в этих насыпях число погребений КМК обычно находилось в пределах от 1 до 5. Случаи большого их количества редки: по 9 в кургане 1 (Большой Аджалык) у с. Свердлово и в кургане 1 у с. Дзинилор, 8 — в кургане 4 у с. Лиманское (Фрикацей), по 7 — в курганах №17 у с. Вишнёвое, №2 — у с. Коржово и №3 у с. Кальчево (рис. 13,2); по 6 — в курганах №2 у с. Хаджимус и №1 у с. Новые Раскаецы.

Рис. 13. Культура многоваликовой керамики. Пример расположения погребений в курганах; варианты погребальных сооружений и позиций скелетов: 1, 2 — курганы №3 могильника Градешка I и №3 у с. Кальчево (I — условный репер; II — место разреза; III — пахотный слой; IV — первая насыпь; V — вторая насыпь; VI — материковый выкид; VII — погребальная почва и материк; VIII — ров; IX — сосуд; X — основное, усатовское, погребение); 3 — Огородное II, 9/9; 4 — Кальчево, 3/8; 5 — Вишнёвое, 17/29; 6 — Кальчево, 3/6; 7 — Виноградовка, 6/3; 8 — Васильевка, 2/2а; 9 — Алкалия, 4/5.

Для впускных погребений обычно использовались склоны насыпей, с вершины же они впускались редко, правда, становясь при этом иногда основными (известно 7 случаев) для вторичных насыпей (Савва 1992: 91). Какой-либо строгой системы в размещении погребений (помимо центральности основных) не наблюдается. Они располагались и как бы по дуговому принципу с расположением ям длинной осью по касательной к кругу насыпи либо приближённо к этому (рис. 13,1), и одиночками либо группами (иногда с перерезанием друг друга) с направлением могил длинной осью поперёк кургана, причём, могил по линии запад-восток (рис. 13, 2), и с сочетанием двух предыдущих принципов. Следует отметить и различное расположение камер подбойных могил относительно центра: в его сторону от входной ямы (Жёлтый Яр, 1/19) либо в сторону от него и входного колодца (Жёлтый Яр, 2/12). В целом, большинство впускных по-

гребений связано с южной половиной насыпей.

В ряде случаев ямы впускных погребений делались довольно глубокими, уходящими в материк. Например, прослеженная глубина погребения 3/7 у с. Кальчево достигала 1,9 м, а у погребений 12 и 13 кургана 1 у с. Орловка (раскопки 1981 г.) доходила до 3,5 м. Однако, чаще погребения, как основные, так и впускные, делались глубиной 0,5-0,8 м. Из-за этого формы могил, впущенных в недостаточно плотный грунт насыпи, часто при раскопках не фиксируются.

Прослеженные погребальные сооружения по своим формам и конструкциям довольно разнообразны. В основном они представлены пятью типами: простыми ямами овальной и прямоугольной в плане формы (42,7%)³, ямами с

³ Процентное соотношение выведено Е.Н. Саввой из 390 рассмотренных им погребений КМК, для 42,4% из которых форма могильного сооружения не установлена (Савва 1992: 141).

уступом (6,7%), каменными ящиками (2,7 %) и ямами с подбоем (5,5%).

1. Овальные в плане ямы обычно небольшие, размером от 0,6 × 1,1 м до 1,2 × 1,7 м (рис. 13,8; 14,3). Нередко овальность таких могил деформированная, иногда — приближённая к овоиду (Орлрвка-81, 1/12). Последним близки ямы с овальной зауженностью одного конца и прямоугольностью другого (Кочковатое, 24/1; Вишнёвое, 57/5). Дно ям обычно ровное. Но известны случаи, когда под голову погребённого делалось грунтовое подушкообразное возвышение (Градешка I, 3/3 и 4).

2. Прямоугольные в плане ямы обычно несколько больших размеров, чем овальные. Углы их чаще всего незначительно округлены (рис. 13, 9), но иногда округление настолько сильно, что форма ямы приближается к овалу (рис. 13, 6).

В ямах могил 1-го и, чаще, 2-го типа встречаются деревянные конструкции в виде срубов, простых рам или колод. Последние представляли собой выдолбленное из ствола дерева корытообразное углубление, накрывавшееся иногда подобной же формы крышкой. Отмеченные деревянные конструкции, выделяемые Е.Н. Саввой в самостоятельный тип могил (Савва 1992: 18, 26, 27, 78-85), известны преимущественно на территории Молдовы: Балабаны I, 13/2; Глиное, 1/11, 3/3; Мерены I, 1/12; Токиле-Рэдукань, 1/3, 21; Хаджимус, 2/8.

3. Ямы с уступом сооружались в два этапа: сначала до предматерикового либо материкового грунта выкапывалась входная часть ямы, затем со дна её выкапывалась погребальная часть ямы, вокруг которой и образовывался уступ. Обычно размер входных ям находится в пределах 1,9 × 2,2 м, но иногда они и более просторные 2,2 × 2,6 м, 2,4 × 2,8 м и т.п. Ширина уступов 30 - 50 см; глубина погребальной части ямы обычно 0,6-1,1 м.

Формы верхних и нижних частей ям разнообразны и встречаются они в различных сочетаниях: а) обе прямоугольные (рис. 13, 4,5); б) обе овальные (рис. 13, 3), иногда расширенные в нижней части к основанию (Манта, 3/4), с учётом неустойчивости овальных очертаний сюда относятся и такие сочетания: а) верхняя овальная или круглая — нижняя овоидная (Балабаны II, 6/2); б) обе овоидные (Балабаны II, 6/5); в) верхняя прямоугольная — нижняя овальная (Хаджимус, 2/8, 11, 15); г) верхняя овальная — нижняя прямоугольная (Казаклия, 17/13; Никольское, 7/37). Такое разнообразие в сочетаниях форм свидетельствует против разделения Е.Н. Саввой всех этих ям на два типа (III и IV) — «овальные с уступом» и «прямоугольные с уступом» (Савва 1992: 18, рис. 1).

Говоря о могилах 1-3 типов, следует отметить, что у многих из них отмечено существование перекрытий (в 3-м типе на уровне уступа) каменными плитами либо, чаще, деревом. Жерди, плахи, тонкие брёвна укладывались в боль-

шинстве случаев поперёк ямы, реже — продольно. Изредка встречается и комбинированное перекрытие деревом — поперечное с продольным. Могилы с деревянными конструкциями иногда полностью забутовывались известняковыми камнями (Никольское, 7/35,37; 12/8). Однако, преимущественно, ямы засыпались землёй без всякого перекрытия либо с последующим символическим перекрытием 2-3 брёвнами или жердями (Фрикацей, 4/28).

4. Могильные каменные ящики устанавливались в ямах прямоугольной формы (Борисовка, 6/2; Виноградовка, 6/3; Мирное-74 [Кикийский р-н], 1/3; Слободка-Романовка, 1/23; Червоный Яр, 1/1,2; и др.). Они создавались из 4-х или нескольких плит, поставленных на ребро вдоль стен ямы (рис. 13,7; 14,2), и перекрытия, сделанного из подобных плит либо из дерева, покрывавшегося завалом мелких камней. Размеры каменных ящиков варьируют, в основном, от 0,9 × 1,3 м до 1,2 × 1,5 м, высота их не превышает 1 м. В погребении 4/5 могильника Фрикацей у ящика размером 1 × 1,6 м и высотой 0,8 м каменными были только две стороны, расположенные около узких стен ямы (Тоцев, Сапожников 1990: 21, рис. 3,8). Уникальной является каменная конструкция погребения 12 кургана 1 у с. Киселово, имевшая соответственно могильной яме овальные очертания в плане со свободным от камней проходом у середины одной длинной стороны, к которой был повернут скорченный погребённый (Черняков 1978: 146, рис. 2,2).

5. Подбойные могилы представляют собой сочетание простой входной ямы и собственно подбоя, сделанного вдоль одной её длинной (как правило, северной) стороны. Входные ямы делались как овальные в плане, так и подпрямоугольными⁴, подбои же всегда подовальны. Длина подбойной ниши-камеры обычно равна длине входной ямы либо чуть больше её. Размер входных ям от 0,6 × 1 м до 1,2 × 2,2 м, ширина подбоя — от 0,3 до 0,8 м. В камеру почти всегда ведут 1-2 ступени, высотой по 10-25 см (рис 14, 1,4). Однако встречаются и могилы, не имеющие такого перехода, т.к. основание обеих частей сооружения сделано общим: Новоселица 19/32 (Субботин, Островерхов, Дзыговский 1995: 89, рис. 30, 2); Кошары 1/6 (Сымонович 1962: 178).

На дне всех типов могил изредка встречаются остатки покрытия корой, иногда — посыпка мелом.

Среди исследованных погребений КМК известно два с тремя костяками, находившимися в ярусном положении (Буторы III, 2/4; Красное 1/3), и три — с парными захоронениями: Балабаны II, 6/1; Новоселица, 19/32; Калфа, погребения 9-10). Остальные погребения одиночные. Покойников всегда укладывали скорченно на

⁴ По классификации Е.Н. Саввы все ямы подбойного типа лишь овальные (Савва 1992: 18, рис.1).

левом (78%) или правом (22%) боку, нередко с поворотом на грудь (рис. 13, 7-9). Скорченность различная: сильная, средняя, слабая. Сильная степень скорченности характеризуется поджатостью ног по отношению к туловищу под углом 20-45°, средняя степень скорченности — 45-90°, слабая — 90-120° (Савва 1992: 16). Длительное время считалось, что в КМК, как и в сабатиновской культуре, преобладала сильная скорченность (Черняков 1985: 130; Дергачёв 1986: 131). Однако, как установлено в последнее время, большинство погребённых КМК находилось в средней степени скорченности, усиление же её наблюдается лишь к концу существования культуры (Савва 1992: 142-145).

Позиции рук, независимо от скорченности, довольно разнообразны. Наиболее характерна позиция, когда одна рука вытянута (иногда с небольшим сгибом в локте), вдоль туловища либо в сторону коленей, а вторая согнута под углом и направлена к первой, иногда положена на неё (рис. 13, 6; 14, 1). Довольно часто обе руки направлены кистями к лицу, подбородку, плечам (рис. 13, 7-9; 14, 2.4) либо в таком поло-

жении находилась одна рука, а вторая направлена к ногам (рис. 13, 3,5). Нередки случаи, когда обе руки согнуты в локтях и направлены кистями вперёд (рис. 13, 4; 14, 3).

Рассматривая 19 основных захоронений КМК Днестровско-Прутского междуречья, Е.Н. Савва отмечает неустойчивость ориентировки находившихся в них погребённых: 4 на север, по 6 на северо-восток и юго-восток, две — на запад, одна — на северо-запад. Преобладание восточной ориентировки (включая с отклонениями) отмечается и для всей массы погребений этой культуры указанного региона: 28,3% — на северо-восток, 23% — на восток, 16,4% — на юго-восток. Процентное выражение остальных направлений незначительно: 10% — на север, 7,1% — на северо-запад, 4,2% на юго-запад и 2,6% — на юг (Савва 1992: 90-91,94,142).

Изредка на костях скелетов (в основном на черепахах) отмечаются следы слабой окрашенности красной охрой. Примерно в десятой части исследованных захоронений перед лицом погребённого находились кости животных. Причём ассортимент их говорит о том, что кости были

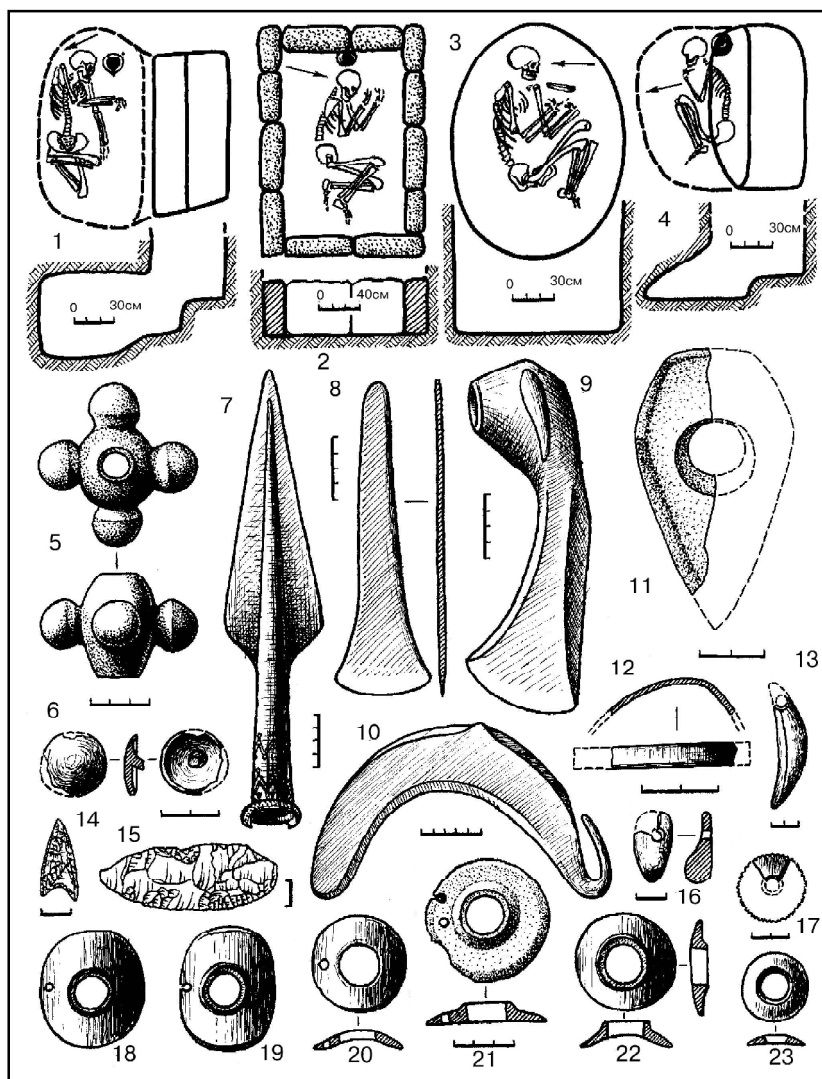
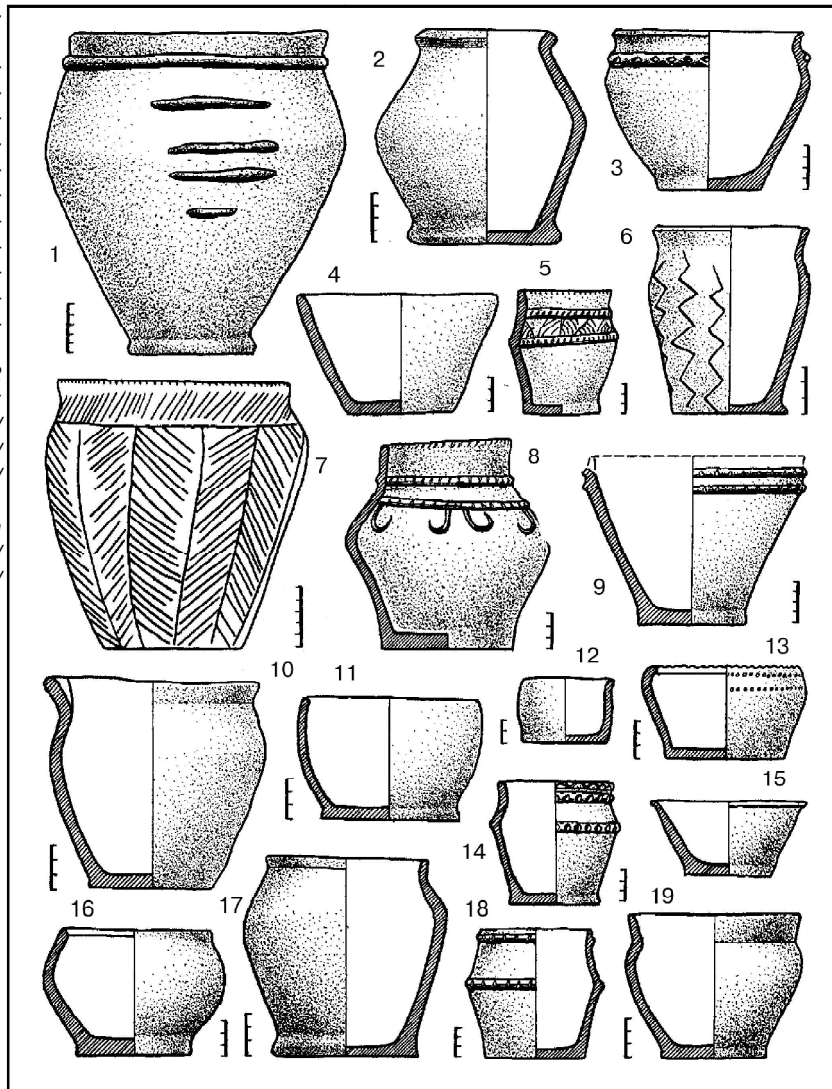

Рис. 14. Культура много-валиковой керамики. Варианты погребений (1-4), вещи из погребений (5,6,11-23) и кладов (7-10): 1,6 — Жёлтый Яр, 2/12; 2 — Балабаны, 4/4; 3 — Градешка I, 3/2; 4 — Желтый Яр, 1/19; 5 — Семёновка, 8/1; 7 — Бородино; 8,9 — Рыбаковка; 10 — Коблево; 11 — Вадулуй-Исак, 2/4; 12 — Градешка I, 5/15; 13 — Васильевка (Дубоссарский р-н). 40/4; 14 — Новые Раскаецы, 1/15; 15 — Оланешты, 4/1; 16,17,22 — Огородное I, 1/7; 18 — Кальчево, 3/12 (5,11,21 — камень; 6,8-10,12 — бронза; 7 — серебро; 13,16-20,22,23 — кость; 14,15 — кремль).

Рис. 15. Культура много-
валиковой керамики.
Образцы керамичес-
кой посуды: 1 — Ор-
ловка-74, 1/3; 2 — Ор-
ловка-74, 1/8; 3 — Ку-
бей, 1/13; 4 — Вишнё-
вое, 13/2; 5 — Велико-
долинское, 2/3; 6 —
Кальчево, 3/12; 7 —
Баштановка, 4/7; 8 —
Вишнёвое, 17/29; 9 —
Вишнёвое, 11/1; 10 —
Жёлтый Яр, 2/12; 11 —
Жёлтый Яр, 3/5; 12 —
Ново-Котовск, 1/4;
13 — Жёлтый Яр, 5/
11; 14 — Белолесье, 1/
2; 15 — Вишнёвое, 18/
2; 16 — Новоселице,
19/32; 17 — Градешка
I, 4/2; 18 — Плавни, 17/
1; 19 — Жёлтый Яр, 1/
19.

положены, скорее всего, без мяса либо с незначительными его остатками, лишь символически олицетворяя собой заупокойную пищу или животных, которым принадлежали.

Боле половины погребённых сопровождалась различным инвентарём, преобладающими среди которого были сосуды и пряжки. Известно 5 погребений, в которых находилось по два сосуда: Глиное, 3/1; Калфа, погребение 9; Кислица, 1/2; Нерушай, 9/4; Слободка-Романовка, 1/23. В остальных случаях возле погребённых ставилось по одному сосуду. Они располагались перед лицом (рис. 13, 7; 14/ 1), за затылком (рис. 14, 2,4), перед грудью, у колен (рис. 13, 5) либо у стоп ног. В двух погребениях посуда была деревянной: в погребении 1/23 Слободки-Романовки — два сосуда, в погребении 28/2 у с. Кочковатое — один сосуд. В первом случае это были глубокая миска и прямостенный сосуд со слегка загибающимися во-внутрь краями, находившиеся напротив груди (Тощев 1984: 181). Во втором случае напротив пальцев ног стояла миска с овальным основанием, размером 18 ×

20 см (Ванчугов и др. 1992: 18-19). Все остальные сосуды, встречающиеся при раскопках погребений, керамические, лепные.

В целом посуду КМК отличает острорёберность, биконичность и коничность форм, плоскодонность, часто сопровождающаяся закраинами, своеобразный углублённый орнамент и частое украшение поверхности горизонтальными наклепными валиками. Подробный анализ керамики и её классификация уже достаточно широко отражены в целом ряде работ: Черняков 1985: 131-134; Черняков, Тощев 1985: 24-26; Дергачёв 1986: 122-136; Савва 1992: 30-38, 100-119.

Опираясь преимущественно на классификацию Е.Н. Саввы, среди ведущих типов посуды отметим следующие:

1. Биконические горшки высоких пропорций с чётко выраженным ребром, расположенным в верхней части тулова, и с невысокой цилиндрической или чуть расширенной кверху шейкой (рис. 15, 1,7). Сосуды обычно украшены по венчику, горлу, ребру, а иногда и по нижней части

тулова горизонтальными валиками, нередко расчленёнными цепочкой вдавлений или насечек, а также разным орнаментом в виде «ёлочки», чередования рядов параллельных линий или заштрихованными треугольниками. Высота сосудов от 22 до 40 см, ширина тулова по ребру 20-30 см, диаметр устья до 25 см, дна — 12-17 см.

2. Биконические горшки подобные, предыдущим, но с ребром, смещённым ближе к середине, и, как правило, не орнаментированные. Высота сосудов 17-32 см, ширина тулова до 25 см, диаметр устья и дна 10-15 см.

3. Горшки строго биконической формы высоких пропорций, с ребром, приходящимся практически на середину тулова, и почти без выделения шейки и венчика. В основном не орнаментированы. Высота сосудов 15-32 см, наибольшая ширина (по ребру) до 25 см, диаметр устья 10-12 см, диаметр дна бывает равным размеру устья либо несколько большим.

4. Биконические горшки преземистых пропорций с под цилиндрической либо со слабо выделенной шейкой. Ребро расположено посредине тулова либо ближе к верхнему краю сосуда. Часто орнаментированы под венчиком и по ребру валиками (в основном расчленёнными цепочкой вдавлений) и резным орнаментом в виде различных треугольников между ними: (рис. 15, 2,5,8,14,18). Встречаются и иные виды украшения: наlepные пары расходящихся крючков (рис. 15, 8), насечки по венчику (рис. 15, 5,8). Высота сосудов 10-22 см, диаметр тулова по ребру 11-18 см, диаметр устья 9-15 см, дна — 6,4-10 см.

5. Биконические горшки преземистых пропорций со слабо выраженной и чуть отогнутой шейкой, с округлённым ребром (рис. 15, 6,10,17). Среди них встречаются сосуды с краем венчика, оттянутым в виде носика для слива (рис. 15,10), и украшенные резным орнаментом (рис.15, 6). Высота сосудов и ширина тулова 10-20 см, диаметр устья до 15 см, дна 5-13 см.

6. Широкооткрытые горшки низких пропорций банковидного типа (глубокие миски?) с незначительно выраженной биконичностью, округлённым ребром и плечиками и воронковидно расширяющейся шейкой (рис. 15, 3,19). Сосуды изредка украшались по плечу наlepным валиком. Высота их 8-13 см, диаметр устья и максимальное расширение тулова равны, их размеры часто больше высоты сосуда.

7. Приземистые банковидные чаши с прямым, чуть наклонным вовнутрь венчиком, с конически сужающимся книзу туловом и округлённо выпуклыми боками. За редким исключением (рис. 15, 13) сосуды на орнаментированы (рис. 15, 11,16). Высота их 6-10 см, диаметр устья 8-12 см, дна — 6-11 см.

8. Усечённо-конические глубокие миски (рис. 15, 4,9). Высота сосудов 10-15 см, диаметр широко открытого устья 16-22 см, диаметр дна почти вдвое меньший. Миски иногда украшались

наlepными валиками.

9. Усечённо-конические чаши (рис. 15, 15). Отличаются от подобных по форме мисок гораздо меньшими размерами и соотношением диаметров дна и устья, как 1:2. Обычно не орнаментированы.

10. Чашечки подцилиндрической (рис.15, 12) либо усечённо-конической формы. Встречаются только неорнаментированные. Высота их 4,8-6,5 см, диаметр дна 4,7-8 см, венчика 8-11 см.

Особо показательными при определении принадлежности погребений к КМК являются пряжки, которые по массовости распространения, известно более 100 экземпляров, занимают среди инвентаря второе место после керамики. Форма пряжек круглая, овальная, иногда — подпрямоугольная с округлёнными краями. Все они имеют большое отверстие посередине, а в ряде случаев ещё и по одному-двум маленьким отверстиям у одного, всегда более широкого края (рис. 14, 18-23). Замечено, что второе малое отверстие просверливалось лишь тогда, когда выходило из строя первое. Обычно погребённого сопровождала одна пряжка, но встречаются и по две (Балабаны II, 6,5; Огородное I, 1/11). Все пряжки разделяются на три типа: 1-й тип представлен круглыми роговыми пряжками, имевшими одну плоскую, а другую слегка выпуклую к середине сторону, диаметр их от 2,5 до 5 см, диаметр отверстия — до 2,5 см; 2-й тип — округлые и овальные пряжки, уплощённые подобно предыдущим, а также слегка выгнутой формы, но обязательно с невысоким бортиком вокруг отверстия, размер их от 3,3x3,8 см, до 4,5x5,5 см, диаметр отверстий — 1,7-1,8 см; 3-й тип — пряжки всех известных очертаний, имеющие профиль различной конфигурации и, главное, характеризующиеся наличием малых боковых отверстий. Размер пряжек от 3,5 x 4 см до 6 x 6,5 см и даже чуть больший. Пряжки 3-го типа обычно изготовлены из трубчатых костей крупного животного, но известны и подобные им каменные (рис. 14, 21), выточенные из мраморизированного известняка (определение Л.В. Ищенко): Вишнёвое, 11/1; 18/2; Кочковатое, 28/2, Фрикацей, 1/9.

Расположение подавляющего большинства пряжек перед животом погребённого указывает на их основное назначение — служить застёжкой ремня, опоясывающего одежду человека. Случаи же находок пряжек перед поджатыми ногами или прижатыми к груди руками, вероятно, является отражением обряда связывания погребённого для придания ему устойчивой скорченности. Расположение пряжек напротив живота, но на значительном удалении от него, можно объяснить обычаем положить развёрнутый ремень поверх погребённого, поперёк него.

Помимо посуды и пряжек, в погребениях КМК встречается и иной инвентарь, однако гораздо реже.

Кремнёвые предметы представлены, в основном, отщепами. Изделия из кремня единичны.

Это — концевые скребки (Жовтневое, 2/1; Хаджимус, 2/11), пластинчатый нож (Оланешты, 4/1) с ретушированными лезвиями (рис. 14, 15) и треугольный наконечник стрелы (Новые Раскаецы, 1/15) с выемкой в основании (рис. 14, 14).

Костяные изделия единичны. Это — небольшой округлый (диаметр 1,7 см) полированный амулет с отверстием для крепления и обломок сверлёного топора ладьевидной формы (рис. 14, 11) из погребения 2/4 у с. Ваду-луй-Исак (Агульников 1998: 67, 68, рис. 2, 3, 4), булава с яйцевидным корпусом и четырьмя шаровидными выступами (рис. 14, 5) из погребения 8/1 у с. Семёновка да несколько растиральников. Е.Н.Савва относит к КМК ещё каменный топор из погребения 3/10 у с. Копчак (Савва 1992: 76, рис. 27, 12), однако он, вероятней всего, является ямным (Бейлекчи 1990: 42-43).

Из кости сделаны проколки (Кислица, 2/8; Тараклия, 16/11; Калфа, погребение 13), маленькая круглая подвеска или пряжка (Огородное I, 1/7), орнаментированная по краю насечками (рис. 14, 17), и каплевидный амулет (Огородное I, 1/7), напоминающий зуб оленя (рис. 14, 16). Пара подобных амулетов, но из клыков волка (рис. 14, 13), найдены в погребении 40/4 у с. Васильевка Дубоссарского р-на Молдовы (Кетрару, Серова 1992: 151, рис. 7, 4). Кроме того, в ритуальном захоронении 4 могильника Калфа выявлен костяной поворотный гарпун (Чеботаренко 1965: 105, рис. 23, 1), а в погребении 8/7 у Оланешт II — костяная накладка лука (Яровой 1990: 187. Рис. 84, 4), а в погребении 1/8 у с. Кислица — пряслице (Гудкова и др. 1995: 92, рис. 1.16: 93).

В ряде захоронений встречены астрагалы овцы, находившиеся, как правило, у головы погребённого в количестве от одного до шести. Судя по астрагалам (21) из погребения КМК 7/13 у с. Каменка на севере Молдовы, часть из которых имела подшлифованные грани (Манзура и др. 1992: 132, рис. 30), эти предметы были игральными.

Среди бронзовых изделий отметим иголку, шило и височные подвески из погребения 1/8 у с. Кислица, шило и булавку из погребения 2/3 у с. Островное (Савва 1992: 137, рис. 60, 2, 3), круглую бляху со стержнем для крепления из погребения 2/12 у с. Жёлтый Яр (рис. 14, 6), браслет (рис. 14, 12) из погребения 5/15 могильника Градешки I у с. Новосельское (Субботин, Добролюбовский, Тощев 1995: 118-119, рис. 4, 8), а также бронзовую скобочку, найденную у поясицы костяка в погребении 3/1 у с. Белолесье (Субботин и др. 1998: 65, 68. Рис. 24, 11), и бронзовую пластинку, прикреплённую к деревянной основе бронзовыми шпильками, лежавшую на лобной части черепа в погребении 9/15 у с. Нерушай (Шмаглий, Черняков 1970: 21). Два последних предмета Е.Н. Савва считает изделиями для окантовки деревянных сосудов (Савва 1992: 140-141), однако, судя по их местонахож-

дению, они были украшением пояса и головного убора.

Наиболее крупное бронзовое изделие из погребений КМК найдено в северной Молдове (Старые Куконешты, 9/28). Это цельнометаллический кинжал с рукоятью, общей длиной 20 см (Савва 1992: 137, рис. 60; Березанская и др. 1986: 11, рис. 3 — местом находки кинжала ошибочно названо с. Думяны).

Представление о материальной культуре племён КМК существенно дополняют металлические и каменные предметы из трёх кладов.

Так, Рыбаковский клад состоял из 19 бронзовых клиновидных тёсел (рис. 14, 8), вислообушного топора (рис. 14, 9) и желобчатого долота (Савва 1992: 170-172, рис. 64; Братченко 1985: 456, рис. 11, 23, 16, 20, 21). В состав Коблевского клада входило 14 бронзовых предметов: три обломка топоров и 11 серпов (рис. 14, 10), часть из которых ещё в древности поломана (Черняков 1967: 29-31, рис. 4, 5, 7, 8; 1985: 101, рис. 48). Наиболее богатый и разнообразный по вещам клад — Бородинский или Бессарабский. В его составе: серебряные с золотой инкрустацией булавка, кинжал, два целых наконечника копий (рис. 14, 7) и втулка от третьего; две бронзовые пластинки оковки какого-то деревянного предмета; 5 каменных топоров (один в двух обломках) и 3 каменные булавки (Березанская и др. 1986: 12; Черняков 1985: 94, рис. 44, 1-5, 11, 13; 97, рис. 45, 8; 115, рис. 58, 1, 2, 6). Заметим, что одна из булавок Бородинского клада совершенно идентична по форме булавке из погребения 8/1 у с. Семёновки (рис. 14, 5).

Возвращаясь к особенностям погребальных комплексов КМК, следует отметить, что Е.Н. Савва выделяет среди них две хронологические группы: раннюю и позднюю (Савва 1992: 144-146). К ранней группе он относит основные погребения в овальных и подбойных ямах, существование ям с уступом и продольным перекрытием, деревянные конструкции типа сруба, рам и колод, каменные ящики и ямы с подбоем, наличие пряжек 1-го типа и биконических сосудов. Касательно погребённых этой группы, отмечается неустойчивость их ориентировки с преобладанием северной, северо-западной и юго-восточной, средняя и слабая степени скорченности, устойчивое положение рук: одна, соответствующая боку, на который положен погребённый, вытянута вдоль тела, иногда со сгибом, другая — согнута в локте под прямым или острым углом. В поздней группе преобладают ямы овальной в плане формы, поперечное перекрытие могил, ориентировка погребённых к востоку и северо-востоку, сильная и частично средняя степени скорченности погребённых, согнутость обеих рук под острым углом. Для этой группы характерны пряжки 3-го типа и сосуды баночных и конических форм.

В.А. Дергачёв видит в сильно скорченных погребённых с руками, поднесёнными кистями

к лицу, сопровождавшихся приземистыми сосуздами баночных форм, третью хронологическую группу КМК, соответствующую переходу от неё к сабатиновской культуре (Дергачёв 1986: 145).

Ряд исследователей, придерживаясь точки зрения С.С. Березанской, считают, что в рассматриваемом регионе в силу взаимодействия с такими культурами как позднеямная, катакомбная и Монтеору сложился особый, юго-западный вариант КМК (Черняков 1985: 16,26.81,157; Черняков, Тощев 1985: 25.28; Дергачёв 1986: 140-145).

Определённое влияние со стороны вышеозначенных ямной и катакомбной культур КМК, очевидно, испытала. Это находит отражение, прежде всего, в многообразии различных черт погребального обряда. Например, с катакомбной культурой связывается появление подбойных могил и слабой скорченности на боку с положением одной руки вытянуто, а другой со сгибом в локте; с ямной культурой — распространение уступчатых могил, перекрытие погребальных камер поперечно деревом или камнем, положение погребённых в скорченной позиции с поднесением рук кистями к лицу (Дергачёв 1986: 140-142).

Однако распространение указанных особенностей имело место практически во всём ареале КМК. В связи с этим, вполне вероятно, что расселение племён КМК в Северо-Западном Причерноморье происходило на стадии, когда основные признаки культуры уже были сформированы. Естественно, контакты с позднеямными и катакомбными племенами и их какое-то взаимовлияние продолжались и здесь, но это не привело к формированию каких-либо специфических особенностей, которые заметно отличали бы рассматриваемые памятники от одно-

культурных объектов, находящихся восточнее Южного Буга. Добавим, что, как и там, в степной зоне междуречья Буга и Дуная на позднем этапе развития КМК отмечено воздействие не её обрядность и со стороны срубной культуры: увеличение числа захоронений в простых прямоугольных ямах, преобладание скорченности погребённых на левом боку и их ориентирование в восточном направлении, возрастание процента сосудов баночных форм (Савва 1992: 157).

Так что, разделяя точку зрения Е.Н. Саввы, можно говорить об особом «юго-западном варианте» КМК только с позиции особого географического месторасположения рассматриваемого региона.

Определённой особенностью памятников КМК этой территории является то, что они соседствовали с запрутскими памятниками культуры Монтеору раннего этапа (фаз Іс3-Іа и начала фазы ІІа), что, несомненно, предопределяло возможность их контактирования. Однако, как показывают наблюдения, такое соседство какого-либо влияния на КМК не оказало, — археологически отмечаются, в основном, лишь факты проникновения племён КМК на восточную окраину ареала монтеоровского населения (Савва 1992: 159-168). Встречающиеся же в Буджакской степи керамика монтеоровского облика, за исключением находок на поселениях Заречное II и Рени (Субботин, Петренко 1990: 251-252), является более поздней, относящейся ко времени существования здесь уже сабатиновской культуры. Вместе с тем, отметим, что синхронизация, прежде всего именно с материалами культуры Монтеору и дала основную возможность установления абсолютной датировки КМК рассматриваемого региона в пределах XVII — рубежа XV-XIV вв. до н.э..

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С.М. 1984. Курган эпохи бронзы у с. Капаланы //Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, с.90-97.
- Агульников С.М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут//Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИЮ) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, с.65-70.
- Агульников С.М. 1999. Новые комплексы катакомбной культуры из Нижнего Поднестровья // СППК, VII. Запорожье, с.118-132.
- Алексеева И.Л. 1984. Элементы культур шнуровой керамики в памятниках ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев, с.23-34.
- Алексеева И.Л. 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев, Наукова думка, 132с.
- Бейлекчи В.В. 1993. Курган у с.Щербанка // ДСПК, IV.Запорожье, с.62-78.
- Бейлекчи В.С. 1990. Раскопки кургана 3 у с.Копчак // АИМ в 1985г. с.34-49.
- Березанская С.С. 1960. Об одной группе памятников средней бронзы на Украине // СА, №4, с.26-41.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на Украине. Киев, Наукова думка, 164с.
- Братченко С.Н. 1985. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. Киев, т.1, с.451-462.
- Братченко С.Н., Шапошникова О.Г.1985.Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР, Т.1, с.403-420.
- Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. 1992. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев, Наукова думка, 90с.
- Гудкова А.В., Тощев Г.Н., Чеботаренко Г.Ф. 1995. Курганы у сёл Кислица и Озёрное Одесской области // ДСПК,V,с.91-109.
- Гудкова А.В., Черняков И.Т. 1981. Ямные погребения с колёсами у с.Холмское // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.38-50.
- Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. 1985. Раскопки курганной группы у с.Вишнёвое // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.132-173.

- Дергачёв В.А. 1983. Катакомбная культура в Днестровско-Прутском междуречье // Первобытные древности Молдавии. Кишинёв, с.128-151.
- Дергачёв В.А. 1984. Курганы у с.Гура-Быкулуй // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв, с.3-36.
- Дергачёв В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинёв, Штиинца, 222с.
- Дергачёв В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // *Stratum plus*, №2, с.169-221.
- Дзиговський О.М., Суботін Л.В. 1997. Сергіївський могильник та його місце серед курганных пам'яток приморської зони Буджака // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Одесса, с.168-190.
- Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е. 1992. Археологические исследования в Ивановском районе Одесской области // Археологический вестник, №3. Запорожье, с.8-9.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1993. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах, №2. Донецк, с.23-34.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В. 1998. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького Державного університету, вип.ІV. Запоріжжя, с.141-162.
- Кетрару Н.А., Серова Н.Л. 1992. Исследование курганов в Дубоссарском районе // АИМ в 1986 г., с.141-171.
- Клейн Л.С. 1975. Рец.на сб.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (МАСП, вып.6.Одесса,1970)/СА, с.297-303.
- Кнауэр Ф.И. 1889. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии // ЧИОНЛ, кн.3, Киев, с.39-49.
- Кривцова-Гракова О.А. 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА №46, с.1-168.
- Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. 1995. Каменные курганы. Кишинёв, Штиинца, 134 с.
- Мелюкова А.И. 1962. Курганы эпохи бронзы у с. Оленшты // КСИА АН СССР, вып.89,с.30-37.
- Мерперт Н.Я. 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.). Автореф. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 84с.
- Никитин В.И. 1990. Поселения и летовки ингульской катакомбной культуры степном Днепровском Правобережье // Проблемы первобытной археологии Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбилейной конф., ч.1, с.63-63.
- Новицкий Е.Ю. 1985. Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское // СА №2, с.232-235.
- Новицкий Е.Ю. 1990. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья // Вестник Одесского охранного археологического центра. Вып.ІІ. Одесса, 184с.
- Оболдуева Т.Г. 1955. Курган эпохи бронзы на р.Когильник // Изв. МФ АН СССР, №5 (25),с. 31-48.
- Петренко В.Г. 1991. Курган бронзового века у с.Старые Беляры // В.П.Ванчугов, А.Г.Загинайло, В.Г.Кушнир, В.Г.Петренко. Вороновка ІІ. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев, Наукова думка, с.77-91.
- Петренко В.Г., Тощев Г.Н. 1990. Велико-Зименовский курган бронзового века // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Одесса-Запорожье, с.71-86.
- Савва Е.Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв, Штиинца, 226с.
- Серова Н.Л. 1981. Исследование кургана у с.Этулия // АИМ 1974-1976 г., с.58-70.
- Суботін Л.В. 1972. Нові пам'ятки в Пониззі Дунаю // Археологічні дослідження на Україні в 1969р. вип.ІV, Київ, с.362-368.
- Субботин Л.В. 1980. Некоторые особенности погребальных обрядов племён ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семёновской экспедиции) // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев, с.52-63.
- Субботин Л.В. 1982. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.100-110.
- Субботин Л.В. 1985. Семёновский могильник эпохи энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.45-95.
- Субботин Л.В. 1990. О взаимовлиянии позднеямных и катакомбных племён в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, ч.1, с.51-53.
- Субботин Л.В. 1993. Художественное плетение у ямных племён // Древнее Причерноморье. КСООА, Одесса, с.33-36.
- Субботин Л.В. 1993а. Некоторые аспекты хозяйственно-производственной деятельности ямных и катакомбных племён степной зоны Северо-Западного Причерноморья // Древности Причерноморских степей. Киев, с.9-21.
- Субботин Л.В. 1994. Деревянные изделия раннебронзового века из курганов юга Одесской области // Древнее Причерноморье. КСООА, Одесса, 67-74.
- Субботин Л.В. 1995. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // РА, №3, с.193-197.
- Субботин Л.В. 1995А. Основные принципы создания курганных кладбищ катакомбной культуры // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. научн. конф. Белгород-Днестровск, с.62-64.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Майоров В.Н. 1984. Охранные раскопки у с. Огородное // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев, с.104-111.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 1998. Археологические древности Буджака. Курганы у сёл Вишнёвое и Белопесье. Одесса, 173с.
- Субботин Л.В., Добролюбовский А.О., Тощев Г.Н. 1995. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Градешка // ДСПК, V, Запорожье, с. 109-126.
- Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. 1970. Курганы у села Огородное // МАСП, вып.6, Одесса, с.130-155.
- Субботин Л.В., Островерхов А.С., Дзиговский А.Н. 1995. Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса, 134с.
- Субботин Л.В., Петренко В.Г. 1990. Редкие памятники древних культур Подунавья // СА №3, с.250-253.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. 1976. Некоторые проблемы истории Северо-Западного

- Причерноморья // МАСП, вып.8, с.69-85.
- Сымонович Э.А. 1962. Раскопки могил возле с.Кошары на Тилигульском лимане // МАСП, вып.4, с.176-180.
- Тощев Г.Н. 1981. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.63-81.
- Тощев Г.Н. 1982. Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Киев, 17с.
- Тощев Г.Н. 1984. Ещё раз о стратиграфии Одесского кургана // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв, с.175-183.
- Тощев Г.Н. 1991. О позднекатакомбном горизонте Причерноморских степей // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Материалы междунар. конф. в Кишинёве 10-14 декабря 1990г. Киев, с.109.
- Тощев Г.Н. 1992. Курганы эпохи бронзы межозерья Ялпуга и Кагула. Запорожье, 50с.
- Тощев Г.Н., Сапожников И.В. 1990. Курганный комплекс у станции Фрикацей // ДСПК,1,Запорожье, с.13-30.
- Чеботаренко Г.Ф., 1965. Могильник эпохи бронзы у с.Калфа на Днестре // КСИА АН СССР, вып.106, с.101-108.
- Чеботаренко Г.Ф., Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1993. Курганы у с.Приморское // ДСПК, IV. Запорожье, с.46-62.
- Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. 1989. Курганы Буджакской степи. Кишинёв, Штиинца, 210с.
- Черняков И.Т. 1967. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // ЗОАО, т.(35), с.23-37.
- Черняков И.Т. 1978. Погребения бронзового века Киселовского кургана // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.144-151.
- Черняков И.Т. 1979. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк, с.8-10
- Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев, Наукова думка, 170с.
- Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья Киев, с.53-96.
- Черняков И.Т., Тощев Г.Н. 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.5-31.
- Чмихов М.О.,Черняков И.Т. 1988. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. Київ, 180с.
- Шапошникова О.Г. 1985. Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР, т.1, Киев, с.336-352.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Л., Довженко Н.Д. 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ, вып. В1-3, Киев, 158с.
- Шмаглый Н.М., Черняков И.Т. 1985. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП, вып.6, с. 5-115.
- Шмаглый Н.М., Черняков И.Т. 1985. Курганы на левобережье Нижнего Днестра // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, с.95-131.
- Яровой Е.В. 1984. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племён Среднего Прута // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинёв, с.37-75.
- Яровой Е.В. 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв, Штиинца, 126с.
- Яровой Е.В. 1990. Курганы эпохи неолита-бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв, Штиинца, 268с.
- Яровой Е.В. 1991. О так называемой «буджакской культуре» // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Материалы междунар. конф. в Кишинёве 10-14 декабря 1990г. Киев, с.96-97.
- Яровой Е.В. 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисер. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 46с.